

№2 (1601)

2011

Не в силе Бог, а в правде!

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПАМЯТНИК В ВОЛГОГРАДЕ

Журнал «Посев».

Учредитель: Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

*Г.М. Амнуэль, Т.П. Артёмова,
Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков,
А.Б. Горянин, В.Э. Долинин,
Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько,
О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов,
Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих,
Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров,
В.Б. Славин-Боровский,
М.В. Славинский, И.Б. Чубайс,
И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.*

Компьютерная вёрстка

М.Ю. Родионов

Корректор

К.В. Оскоцкая

Адрес издателя и редакции: 127051,
Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96
Телефон/факс: (495) 625-9248

E-mail: tsurganov@mail.ru;
posevru@online.ru
<http://www.posev.ru>

Адрес типографии ООО Принт сервис
групп: 125438, Москва, 2-й Лихачёвский
пер. 7. Телефон (495) 797-8124

Тираж 800 экз. Свободная цена
Подписано в печать 26.01.2011

Адрес издательства POSSEV GmbH:
Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-1265; fax 34-3841.
<http://www.posev.de>
E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве
печати и информации Российской Федера-
ции 29.11.2002 г.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Изда-
тельское, исследовательское и просвети-
тельское содружество "Посев"»

ISSN 0234-8284

Мнения авторов не всегда совпадают
с точкой зрения редакции. Ответствен-
ность за точность приводимых сведений
несут авторы. Редакция в переписку с не-
опубликованными авторами не вступает.
Рукописи не возвращаются и не рецен-
зируются. При перепечатке любых мате-
риалов ссылка на источник обязательна

ПОСЕВ

№ 2 (1601) февраль 2011 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Кирилл Александров. «Домодедово» 3

Виктория Костева. Диалекты и языки
национальных меньшинств
в тоталитарных государствах XX века 4

Марк Дьячков. О проблемах самоценности
малочисленных языков России
и необходимости их сохранения 7

Георг Габриелян. Причины межэтнических
конфликтов последнего времени 9

Григорий Амнуэль.
О любви, дружбе и «крышевании» 12

Анджей Станьковский.
Два визита 14

Мargarита Баранова.
Новосёлам повезло как утопленникам... 18

Валерий Сендеров.
К генеалогии идеи 19

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ

Ростислав Полчанинов. 90-летие Русской
Православной Церкви за границей 21

К 80-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА
РОССИИ

Борис Ельцин. Из книги
«Исповедь на заданную тему» 22

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Антон Васильев.
«Империалистическая»? Или... 23

Ольга Ожгibesова.
Тобольская эпопея 29

Александр Гогун.
В преддверии «Барбароссы» 33

АРХИВ

Алексей Алымов.
Зловещая тень Розенберга 35

КНИГИ И ЛЮДИ

Георгий Соколов.
Мемуаристика и советчина 37

Людмила Флам. Российская
научная эмиграция в Европе 40

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Григорий Казаков.
Исследовательская поездка в Сербию
и Хорватию в честь 120-летия
проф. М.В. Агапова-Таганского 43

В. Ваганин.
В «Посев» на тему летних лагерей 43

Владимир Чичерюкин-Мейнгардт.
Вечер в Доме Русского Зарубежья 44

Я. Шарубин. Письмо с вопросом после
посещения Таллина 45

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Галина Степановна Флёрова 46

Анна Фоминична Поповская 48

ПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА «РУССКАЯ ТРАДИЦИЯ»
И РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ СЛОВО»

ПРЕМИЯ за 2010 год

Правление общества «Русская традиция» и редакция журнала
«Русское слово» присуждают Премию за 2010 год

**Издательству «ПОСЕВ»
и редакции одноименного журнала**

за многолетнюю деятельность в области издания исторической и мемуарной литературы, посвященной сложным и трагическим страницам российской истории XX века, непреклонное стремление к объективному освещению современных и исторических событий в русском обществе в духе лучших демократических традиций. Премия присуждается в связи с совместным проведением в истекшем году выставки «ПОСЕВА» в Праге, обменом публикациями и материалами и в знак оценки плодотворного сотрудничества наших издательств.

Игорь Золотарев,
председатель общества
«Русская традиция»

Русская
Традиция

Анна Хлебина,
Главный редактор журнала
«Русское слово»

РУССКОЕ
СЛОВО

Кирилл Александров

«Домодедово» ПРО НАС, КАКИЕ МЫ ЕСТЬ

В московском аэропорту «Домодедово» погибли и получили ранения более 160 человек. Большие и чудовищные войны сменились десятками локальных и мелких. Но оттого не менее чудовищных по сути своей. Мы живём в эпоху, когда жизнь не стоит ничего. Поэтому террористу не жаль ни себя, ни чужих.

Первый и главный результат такого любого одномоментного теракта — пустота. Люди погибли, террорист погиб, ситуация необратима... В пространстве несутся угрозы найти и ликвидировать организаторов. Но даже если они существуют, от их уничтожения ни мёртвым, ни их живым близким легче не станет.

...Пустота. Через месяц к ней привыкнут и забудут.

До следующего взрыва.

Можно ли победить террористов? Найти их склады, базы, землянки, пещеры и банковские счета?

Найти можно. Искать боевиков на их территории. Покупать осведомителей. Повесить объявление в Сети: пять миллионов долларов за точное указание. Или предупреждение. И платить, как полагается. Нужно и можно делать всё, как положено и кому положено, — здесь не о чем рассуждать. Смысл существования государства — в обеспечении безопасности и благосостояния своих граждан. Если власть с этим не справляется, её нужно менять.

Но победить террористов — всё равно нельзя.

Потому что современный терроризм — это социальная болезнь. Такая же, как большевизм и национал-социализм в XX веке.

Можно ли обеспечить безопасность аэропорта в России? Так, чтобы свести к минимуму вероятность проникновения на его территорию человека с пятью килограммами взрывчатки? Наверное, можно. Если не знаете, как — слетайте в Бен-Гурион на консультацию. Порой полезно поразмышлять, почему Бен-Гурион не взрывают. И не нужно рассказывать про опыт и квалификацию спецслужб, тот самый аэропорт охраняющих.

Потому что опыт и квалификация — это следствие.

Преимущество любой террористической группы перед толпой обывателей-пассажира не только во внезапности атаки. Человеком, который готов расстаться со своей жизнью, прихватив с собой чужие, движет *идея*. Хорошая, плохая, страстная или тухлая — в данном случае не суть важно. Пассажирами тоже движет идея, но совершенно примитивная: побыстрее взлететь и благополучно приземлиться.

Однако, кроме беспечных пассажиров, есть ещё государство.

Опыт и квалификация персонала аэропорта Бен-Гурион — следствие идеи, носителем которой являются власть и государство. И, соответственно, бюрократы-чиновники, состоящие у них на честной службе. Идея проста: наших соотечественников истребили столько, что больше мы истреблять не дадим. Или, по крайней мере, минимизируем жертвы. Насколько от нас зависит. А там дальше — как Бог даст. Потому что в XX веке мы пережили Катастрофу. И пепел её жертв служит жгучим упрёком за беспечность, цинизм и враньё. Но главное: за смерть каждого, чью смерть мы могли предотвратить и не предотвратили, потом с нас спросит Бог.

Россию атакуют террористы, и даже не важно, чем они сами себя оправдывают. А какую идею им может противопоставить современное Российское государство? Как «распилить» бюджетные деньги и вкусно пожить в собственное удовольствие? Бог, конечно, есть — но мы и там себе местечко прикупим, а в крайнем случае, у авторитетного архиерея поминание оплатим лет на сто вперёд.

Но, кроме государства, есть ещё общество. Почти ничем не лучше власти. Мы ещё можем умиленно греметь бидонами для Святой воды в Крещение, понырять фольклорно в прорубь и потыкать священнику в лицо вербными пучками в Вербное воскресенье. И даже поздравить друг друга в Интернете с очередным двенадцатым праздником — дескать, и мы тут. А молиться мы давно разучились, и менять свою жизнь — тем более. Наша вера не имеет личного начала и неконкретна. Вроде магизма. Бога мы признаём, но живём от него отдельно.

Так и получите, не угодно ли?

После взрыва «домодедовские» таксисты любезно предлагали перепуганным пассажирам подбросить их до Москвы за скромные двадцать тысяч рублей. Не знаю, соглашался кто-нибудь или нет. Но не удивлюсь, если узнаю, что через какое-нибудь время оные таксисты окажутся в ещё худшем положении.

Бессовестность наказуется.

Убирать ли Ленина из его пирамидального угроблица? Но если такой вопрос ставится в принципе, то убирать точно не нужно: пусть лежит себе в напоминание, другого не заслужили. Ведь по существу человек может превратиться в мумию ещё при жизни.

Станут ли Россию меньше взрывать, если мы хоть чуть-чуть изменим свою жизнь? Не знаю. Но знаю, что, по крайней мере, относиться к этому мы точно станем по-другому.

Да будет Спаситель милостив ко всем несчастным, погибшим и пострадавшим в «Домодедово».

Виктория Костева

Диалекты и языки национальных меньшинств в тоталитарных государствах XX века

Рассматривая языковую политику тоталитарных государств, к которым, по мнению большинства историков и политологов, относятся фашистская Италия, нацистская Германия, франкистская Испания, сталинский Советский Союз, маоистский Китай, Албания — Энвера Ходжи, Румыния — Чаушеску, и ряд других стран, прошедших через тоталитаризм, мы можем выделить общие черты и направления. Прежде всего, они проявляются в отношении к диалектам и языкам национальных меньшинств. Большинство стран с тоталитарным политическим устройством являлись многонациональными или с большим количеством народностей. Все они использовали свои определённые национальные языки и/или диалекты, а также национальные языки в форме совокупных диалектов. Каждый из них находится на период становления тоталитарного государства на различной ступени развития. Вследствие этого перед руководством страны неизбежно встают вопросы о функционировании и взаимоотношении национальных языков, о языке межнационального общения. Изученные нами материалы позволяют сделать вывод о том, что в языковой политике тоталитарных государств чётко прослеживаются два совершенно противоположных подхода к решению этих проблем. От политики всяческой поддержки и развития национальных языков и диалектов до диалектной ксенофобии и националистического централизма в отношении языков национальных меньшинств.

Основной чертой первого, начального периода становления тоталитарного государства является благосклонное отношение правительственных кругов к диалектам и национальным языкам меньшинств. В СССР в начальный период основополагающим лозунгом становится равенство всех наций и языков. В школах проводится обучение на национальных языках, создаются и плодотворно работают издательства национальной литературы и даже театры. В рамках языкового строительства осуществляется большая работа по созданию письменности для бесписьменных народов.

В Италии диалекты были также составной частью школьного образования. Министр образования Джованни Джентиле проводил в жизнь идеи тогдашнего генерального директора начального образования Ломбардо Радича, программа которого состояла в последовательном овладении национальным языком через диалект (*dal dialetto alla lingua*) [6]. Согласно этой программе, диалект был

языком, на котором проводилось обучение, и дидактическим средством для успешного овладения национальным языком. Например, грамматику итальянского языка следовало изучать по текстам на диалекте с помощью переводов, сделанных самими учащимися. Активно продолжали свою деятельность и итальянские диалектологи: так, например, в 1931 году появился «Итальянский лингвистический атлас» У. Пеллиса (*Atlante linguistico italiano*), а в 1935 «Лингвистический этнографический итальянский атлас Корсики» Дж. Боттильони (*Atlante linguistico etnografico italiano della Corsica*). Правительственные круги поощряли и общественные мероприятия, проводившиеся на диалектах, например, проведение конгрессов по народному искусству и традициям. Даже фашистские пропагандистские стихи и песни были опубликованы на диалектах [5]. Лидер режима Муссолини часто и сам использовал диалектальные слова и выражения, подчёркивая, таким образом, свои крестьянские корни.

Со сменой политического и экономического курса происходит смена языковой политики. Под благовидным предлогом о якобы начавшемся процессе стирания национальных и языковых различий в Китае эти процессы происходят в 1957–1965 гг. Под обоснованием наличия «внешней угрозы» и связанной с ней необходимостью национального единения это происходит в Албании. Под выдвиганием лозунга «национальное единство — языковое единство» (*una nazione — una lingua*) в Италии фашистские правительственные круги отказываются от прежних концепций и установок и начинают проводить в жизнь новую языковую политику. Те же процессы происходят и в СССР, особенно в период борьбы с националистическими тенденциями в союзных республиках и космополитизмом. Разумеется, здесь играют роль и объективные факторы, например, недостаточное развитие многих языков, потребность во взаимопонимании и др. [1].

Основным содержанием языковой политики на втором этапе становится введение государственного языка, в качестве которого выдвигается либо язык одной, как правило, наиболее развитой нации (в терминологии того времени), как это было в случае фашистской Германии. В СССР сталинский коммунистический режим проводит программу насильственной русификации [1]. Либо язык по выбору правящих кругов. Например в Албании, при наличии двух больших диалектов — южном варианте (тоскский диалект) и северном (гегский диалект) — литературный язык был унифицирован

на базе южного наречия тосков: такой выбор объяснялся не объективными историческими, политическими или экономическими предпосылками, а южным происхождением большинства коммунистических лидеров. Данная унификация литературного языка до сих пор вызывает критику на Балканах, так как самые старые албанские тексты написаны по-гегски [7].

Репрессивный характер тоталитарного режима проявляется, прежде всего, в принудительных, порой жёстких и даже картельных мерах. Франкистский режим Испании запретил в Каталонии использовать каталонский язык даже в повседневном общении. На родном для восьми миллионов каталонцев языке люди говорили с опаской даже в семейном кругу. Жёсткой дискриминации были подвергнуты языки басков и галисийцев [4].

В Италии в 1931 году вступил в силу запрет об использовании в печатной продукции диалектов и любых «диалектных» продуктов (*produzione dialettele*). Так, было запрещено публиковать отзывы и рецензии на сборники диалектальной поэзии, прозы, спектакли диалектального театра [5].

Основным содержанием правительственного курса в отношении национальных меньшинств, малых и/или малочисленных народов становится ассимиляция и денационализация населения. В тоталитарных государствах ассимиляция имеет ярко выраженный насильственный характер и в языковом плане связана с принудительным навязыванием иного языка и культуры, что нашло своё отражение в соответствующих лингвистических терминах, таких как итальянизация, германизация, испанизация или русификация населения.

В качестве примера рассмотрим языковую политику фашистского правительства Италии в присоединённом после Первой мировой войны Южном Тироле. Основная часть населения там говорила на немецком языке. Процесс денационализации в Южном Тироле проходит в быстром темпе, с использованием большого количества различных указов, декретов, распоряжений правительства. Первоначально запрет на использование родного языка в Южном Тироле касался школьного образования. С 1925 года преподавание языков национальных меньшинств в средней школе было запрещено вообще. В дальнейшем этот запрет распространился на немецкие начальные школы, детские сады и высшие учебные заведения (1931–1932 гг.). Большинство немецкоговорящих учителей и преподавателей было отстранено от должности и заменено на итальянских. Следствием этой языковой политики явилось возникновение так называемых катакомбных школ. Тайно, с соблюдением строжайшей конспирации немецкое население обучало своих детей родному языку.

Единственное исключение для немецкого языка было сделано для католической церкви, оставшейся единственным носителем немецкого языка и немецкой культуры. Латеранские договоры

(Lateranverträge) 1929 года предполагали проведение церковных служб и преподавание религии вне стен учебных заведений на немецком языке.

К 1925 году итальянский язык стал официальным языком управленческих структур и судопроизводства. Языковая политика начинает приобретать всё более репрессивный характер и вторгается в частную жизнь немецкого населения. После 1925 года, запрещён немецкий алфавит и немецкое написание. В соответствии с указом итальянизации подвергались и немецкие личные имена, причём не только живущих, но и умерших людей. Немецкое население было вынуждено стирать немецкие надписи с надгробий и заменять их на итальянские [11].

Тоталитарная языковая политика была тесно связана с уничтожением самоидентификации населения. После вооружённого вторжения итальянских войск в Южный Тироль было запрещено само название «Тироль», а также все производные слова и словосочетания типа «тиролец» (*Tiroler*), «южнотиролец» (*Südtiroler*) и т. д.

Ещё более жестокий характер носила языковая политика в отношении словенцев и хорватов. Аналогично южным тирольцам, они получили статус языковых меньшинств и впоследствии были обвинены в близости к коммунистам. Специальными правительственными указами были закрыты все славянские школы. Родители не имели права давать своим новорождённым детям славянские имена, а существующие должны были быть заменены на итальянские [9].

Аналогичные действия были предприняты Гитлером в Эльзасе, начиная с 1940 года. В лингвистологии эта политика носит название «*Entwelschungs-Kampagne*» (кампания по искоренению всего французского). Согласно специальному указу, всё местное население в общественной жизни должно было использовать немецкий язык. Постепенно запрет распространяется и на частную жизнь эльзасцев. Онемечиванию подвергались французские имена, названия улиц, вывески магазинов, а также надписи на памятниках истории и культуры и надгробных камнях. Уничтожению подвергались даже французские надписи на кухонной утвари: *sel* (соль) и *poivre* (перец), и на водопроводных кранах *chaud* и *froid* (горячий, холодный). По приказу гауляйтера Эльзас-Лотарингии Вагнера из обихода были исключены формы приветствия и прощания *boschur* (привет) und *arrewar* (пока). Все официальные запреты сопровождалась наглядной агитацией — плакатами, листовками и т. д. Пик борьбы с французским языком пришёлся на период 1940–1941 гг. и ознаменовался публичным сжиганием изъятых у населения книг на французском языке. Исполнение приказов строго контролировалось соответствующими государственными структурами. За неповиновение можно было попасть в концентрационный лагерь или подвергнуться иным репрессиям [10].

Подобная политика проводилась не только на вновь присоединённых территориях, но также и внутри страны. Показательным примером тому служит положение лужицких сербов — славянских народов, проживающих на территории Германии южнее Берлина. После провала политики по привлечению части интеллигенции и фермеров на свою сторону тоталитарная власть, начиная с 1937 года, переходит к репрессивным действиям. Прежде всего, была запрещена домовина — главный общественный и культурный орган лужицких сербов. Были конфискованы библиотеки, архивы, собрания фольклора. Всё это сопровождалось депортацией учителей и священников. Странники лужицких сербов были арестованы и отправлены в концентрационные лагеря. В школах, в детских садах, в церквях был запрещен сербский язык [8].

Политика, направленная на дискриминацию языков национальных меньшинств, характерна и для второй половины XX века, т.е. послевоенного периода. В Румынии в 1952 году была образована Венгерская автономная область (Regiunea Autonomă Maghiară), где было разрешено использовать венгерский язык в официальных документах, а также на различного рода вывесках. После венгерского восстания в 1956 году отношения населения с правительством обострились. В 1959 году университет Боляй (Bolyai) в Клюже, где преподавание осуществлялось на венгерском языке, был соединён с румынским университетом Бебис (Babeş), что повлекло за собой снижение численности профессорско-преподавательского состава и студентов, говорящих на венгерском языке [3]. После ликвидации территориального образования и последующего заселения данной территории румынами было затруднено и получение школьного образования на венгерском языке, несмотря на разрешение властей обучаться на родном языке. Активисты, выступившие в защиту своих прав, были запуганы, а частично и физически уничтожены. Надписи на венгерском языке на уличных вывесках и указателях были также заменены на румынские.

Многие лингвисты, занимающиеся политической лингвистикой или лингвистикой определённой тоталитарной эпохи, склонны рассматривать мероприятия первого этапа языковой политики как фактор закрепления позиций тоталитарного режима, а второй этап как следствие осознания и исправления сделанной ошибки [2]. Но, на взгляд автора, и первый, и второй этапы являются закономерными в тоталитарной языковой политике. основополагающим признаком тоталитаризма является неоправданная с исторической точки зрения концентрация власти в руках отдельной личности или группировки. Узурпация и централизация власти происходит постепенно с привлечением на свою сторону как можно большего количества населения для получения массовой поддержки режима, для распространения идеологии. Таким образом, политику поддержки и развития национальных языков мож-

но рассматривать как часть агитационно-пропагандистской работы. Утвердившись, тоталитарная власть приступает к осуществлению своих целей и задач. В многонациональной стране отсутствие единого языка представляет серьёзную помеху для контроля всех сфер человеческой жизни, ведёт к дезинтеграции населения, что не способствует усилению власти и укреплению тоталитарного режима. Вследствие этого возникает объективная необходимость двух этапов языковой политики, идущей параллельно с централизацией политической власти и экономики.

Литература:

1. Алпатов В.М. 150 языков и политика, 1917–1997: Социолнгв. пробл. СССР и постсов. пространства. – М.: ИВ РАН, 1997. – 191 с.
2. Касаткин А.А. Очерки истории литературного итальянского языка XVIII–XX вв. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1976. – 204 с.
3. Balas E. Will to Freedom: A Perilous Journey Through Fascism and Communism. – Syracuse University Press, 2008. — S. 366.
4. Bochmann K. Rascism and/or nationalism: Minorities and language policy under fascist regimes. URL: http://www.stm.unipi.it/Clio/h/tabs/libri/7/09-Bochmann_127-138.pdf
5. Klein G. La politica linguistica del fascismo. Bologna: Il mulino, 1986. – 234 p.
6. Language planning and policy in Europe. V. 3: The Baltic states, Ireland and Italy. Ed. by Robert B. Kaplan and Richard B. Baldauf. – Multilingual Matters Ltd., 2008 – 353 p.
7. Nehring G-D. Albanisch Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens, M. Okuka and G. Krenn, Ed. P. 47–65. – Klagenfurt/Celovec: Wieser Verlag, 2002 (Wieser Enzyklopädie des Europäischen Ostens, Band 10). – URL: <http://www.uni-klu.ac.at./Albanisch.pdf>. S. 1–20
8. Polenz Peter von. Deutsche Sprachgeschichte. Vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Bd. III. – 19. und 20. Jahrhundert. – Berlin, New York: Walter de Greyter, 1999. – 758 S.
9. Salvemini G. Mussolini diplomatico (1922–1932). – Bari: Editori Laterza, 1952. – 536 p.
10. Simon G. Zwangsbücherverbrennungen und KZ. Die ideologiegeschichtlichen Hintergründe der nationalsozialistischen Sprachpolitik im Elsass. – URL: <http://www.homepages.uni-tuebingen.de/gerdsimon>
11. Steiniger R. Die Südtirolfrage. – URL: <http://www.rolfsteininger.at/bilder/aufsatz>

От редакции: Перечисленные характерные особенности тоталитаризма коснулись и практически всех народов и народностей СССР. В разные периоды коммунистической власти одним был навязан кириллический алфавит, против языка других проводились массовые репрессии. Закрывались театры, учебные заведения и издательства. Многие деятели национальной культуры были сосланы в лагеря ГУЛАГа или уничтожены силами ГПУ–НКВД–КГБ. Особенно сталинский режим

проявил себя в период Второй мировой войны, объявляя народы, их культуру и языки вражескими и практически полностью запрещая их. Те же про-

цессы были характерны и для времени «борьбы с космополитизмом». Но автор статьи поставил точку там, где счёл возможным.

Марк Дьячков

О проблемах самоценности малочисленных языков России и необходимости их сохранения

Мне хотелось бы начать со слов двух известных людей: немецкого лингвиста и фактического поборника сохранения всех, в том числе и малых языков мира Й. Вайсгербера: «Если бы у человечества был только один язык, то его субъективность определила бы раз и навсегда пути познания человеком окружающего мира. Эту опасность, однако, предотвращает многообразие языков, т.е. множество путей использования человеческого языка... множественность языков способствует объективности познания посредством множественности способов видения» (Weisgerber J. *Das Gesetz der Sprache*. Heidelberg, 1951). Из этого следует — сохранение языков малочисленных этносов важно не только для самих этих этносов, но и для человечества в целом. И видный ирландский филолог и общественный деятель Донал О'Риордан писал: «Если ваш язык умирает, то не потому, что его смерть неизбежна, а потому, что вам не хватило мудрости и решительности, чтобы сохранить ему жизнь».

Я думаю, что цель состоит в том, чтобы изыскать мудрость и решимость, необходимые для сохранения всех языков малочисленных этносов.

В истории России период 1917–1920-х годов был временем наиболее последовательного проведения политики, ориентированной на нормирование и развитие национальных нерусских языков и культур, о чём впервые было сказано в принятом в конце 1917 года Декрете о ликвидации безграмотности. В стране были квалифицированно разработаны на федеральном уровне алфавиты для десятков бесписьменных языков, появилось большое количество периодических и непериодических изданий на местных языках, велись радиопередачи на них. Несмотря на непростое экономическое положение, изыскивались необходимые средства для издания малотиражной продукции. Большая заслуга в этом принадлежала не только центральному, но и республиканским правительствам. Разумеется, всё это обуславливалось целями новой власти: противопоставления развитым столицам Империи коренных народов отсталых и порой ущемлённых провинций.

В целом, этот период реально можно считать первым всплеском развития и использования местных национальных языков. Однако, решив кратко-

временные задачи, позднее многие достижения этого периода были фактически сведены властью на нет. Бессмысленным и нецелесообразным оказался перевод графических систем языков СССР с латиницы на кириллицу. Однообразия добиться не удалось, но многие языки были лишены письменности как «неперспективные», а иные получили трудно используемые на практике алфавиты вследствие недостаточной компетенции их составителей.

Второй всплеск в развитии и расширении функций местных нерусских языков России относится уже к 1991 и нескольким последующим годам, и опять, видимо, это было связано с крушением одного опустылевшего мира и рождением нового.

В 1991 году был принят Закон «О языках народов России», в котором впервые в российском законодательстве констатировалось, что «языки народов России являются историко-культурным наследием и находятся под защитой государства». Закон предусматривал право республик в составе РФ «устанавливать статус государственного языка республики» (Статья Закона 3.3). В Постановлении «О порядке введения в действие Закона о языках» предусматривалось «в трёхмесячный срок после принятия Закона разработать и представить на рассмотрение: ...Положение о языковых квалификационных требованиях к работникам различных профессий и должностей». В случае реализации этого положения владение местным языком, наряду с русским, становилось бы одним из требований к профессиональной компетенции при замещении определённых должностей. Этот законодательный шаг способствовал дальнейшему развитию местных национальных языков, расширению их функций, повышению их статуса и престижности.

Однако в самом скором времени начал происходить постепенный отход от духа и буквы этого документа. Положение о разработке квалификационных требований к владению местным языком при занятии определённых должностей так и не было реализовано. Не прошло и пяти лет, как положения Закона стали как бы забываться, Закон существовал, но его как бы и не было. Действовала знаменитая формула Салтыкова-Щедрина.

Провозглашение местных языков государственными приобрело чисто декларативное значение. Нигде не были изложены чёткие критерии того, какими реальными правами обладает государствен-

ный язык, каково практическое значение провозглашения языка государственным. Политика «укрепления вертикали власти», возможно, имевшая смысл в политической и экономической сфере, приобретала отрицательное значение для функционирования местных нерусских языков, ибо понималось по умолчанию, что укрепление вертикали власти предусматривает и укрепление функций русского языка в ущерб местным.

Совершенно неоправданным ни с лингвистической, ни с политической точек зрения было принятое в 2001 году дополнение к Закону о языках, предусматривающее, что «государственные языки республик в составе РФ используют алфавиты на основе кириллицы». Мало того, что это дополнение навсегда исключало, например, возможность приобретения карельским языком (языками) статуса государственного, оно вызвало серьёзное недовольство в Татарстане и Башкирии, одновременно не принося никакой пользы и не преследуя никакой разумной цели. По-видимому, в языковой сфере «вертикаль власти» следовало бы укреплять каким-либо другим путем.

В настоящее время все меры по развитию местных языков, по расширению их функций, по повышению их престижа если и осуществляются, то только на местном уровне. Зачастую местные власти как бы стесняются тех шагов, которые ими самими предпринимаются в этом направлении, стремятся осуществлять их тихо и без широкой огласки на федеральном уровне.

Между тем, каждый такой шаг имеет неоспоримое значение для всей Российской Федерации. Ведь при сокращении функций и постепенном отмирании местных национальных языков не удастся сохранить и национальные культуры, что причинит большой ущерб России. Такая политика существенно обеднит нашу многонациональную культуру, а, следовательно, следуя за Й. Вайсгербером, нанесёт непоправимый ущерб и всей мировой цивилизации.

В результате в наши дни ситуация складывается таким образом, что задача сохранения и развития местных национальных языков полностью ложится на плечи их носителей и местных властей. Если не они, то кто же? Необходимость сохранения всех языков Европы была осознана европейскими странами уже на начальной стадии формирования Единой Европы. Была разработана и вступила в действие Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, иначе именуемая Европейской хартией региональных или миноритарных языков. В 1991 году её подписала и Россия. Однако, подписав, не ратифицировала и фактически не приступила к исполнению её требований.

7 октября 2010 года в Государственной Думе состоялись парламентские слушания на тему «Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы».

Открывая слушания, председатель Комитета Госдумы по делам национальностей В.А. Купцов подчеркнул чрезвычайное значение обсуждаемой

темы, поскольку уже *девять лет* тому назад Россия подписала Хартию, но не ратифицировала. Заместитель министра регионального развития РФ В.А. Язев указал на важное значение *сохранения в РФ языкового и культурного многообразия*. По приведённым им данным: *в России проживает более ста восьмидесяти народов, которые используют в общении более двухсот тридцати языков и диалектов!*

Таким образом, задача современной государственной национальной политики состоит в укреплении духовной консолидации многонационального народа России в единую гражданскую нацию при обязательном сохранении этнокультурного и языкового многообразия. Причём, в этом Россия может опираться на многовековой опыт межкультурного взаимодействия между народами Российского государства. Увы, в ходе обсуждения стало ясно, что в течение этих девяти лет даже мало было сделано в направлении подготовки к ратификации Хартии, не говоря уж о её полноценном выполнении. Это относится, в частности, к определению статуса каждого отдельного языка (государственный язык; язык, используемый в среднем или высшем образовании; язык повседневного общения, и т.п.). Заместитель министра регионального развития РФ М.А. Травников вынужден был признать, что обязательства, накладываемые на страну-участника Хартии, выполняются в РФ далеко не полностью.

В 2009 году Россия начала реализовывать совместную программу Совета Европы, Европейской Комиссии и Минрегиона РФ «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества». Однако в регионах реализация этой программы остаётся практически незамеченной. Так, резко критически прозвучало на слушаниях выступление представителя Татарстана Р. Валеева, по мнению которого, в настоящее время в правоприменительной практике РФ наблюдается устойчивый отход от положений федеральной Конституции. В частности, совершенно необоснованным было включение в Закон о языках положения о том, что государственные языки республик в составе РФ могут использовать алфавиты только на русской основе (кириллице). В частности, это привело к срыву тщательно разработанной и финансово обеспеченной реформы орфографии татарского языка. Показав остроту и настоятельность языковой проблемы в России, слушания, к сожалению, не указали на практические и эффективные пути её решения, оставшись, как часто бывает в Думе, отлично проведённым мероприятием, не ведущим к реальным законодательным изменениям. Хочется надеяться на то, что время и здравый смысл внесут вклад в решение вопросов, связанных с сохранением и расширением функций малочисленных языков, что, безусловно, будет способствовать совершенствованию нашей общей Родины, а значит, и жизни в ней её граждан.

Георг Габриелян

Причины межэтнических конфликтов последнего времени

Я зарёкся реагировать статьями на злободневные темы. Для анализа текущих событий вполне достаточен мой еженедельный видеоблог, в котором я рефлексирую на явления, кажущиеся мне наиболее интересными и значимыми.

Однако события второй декады декабря 2010 г. требуют специального анализа и осмысления.

Нужда в таком анализе продиктована, прежде всего, тем, что межэтническое противостояние, вылившееся на улицы крупнейших российских городов, явление — далеко не локальное, но вполне продлённое по времени. То есть, я думаю, что это — начало. Возможно, начало конца РФ в современных границах. А я — противник дробления.

Кроме того, данная тема — тема межэтнических конфликтов — всегда интересовала меня. В некоторой степени начало моей политической деятельности в 1988 г. также было мотивировано нагорно-карабахским конфликтом и вооружённой борьбой между азербайджанцами и армянами.

И уже тогда я понял одно: глупо и пошло считать, что причины конфликтов — экономические. Подобный подход — признак остаточного вульгарного материализма. Руководствоваться им — значит повторять те ошибки, которые уже неоднократно ставили страну на грань развала и лежали в основе распада СССР.

Реальные причины межэтнического противостояния — особенно агрессивного — сугубо духовные. Проще говоря, в основе таких конфликтов лежит несовместимость, а чаще — антагонизм культурных кодов. И здесь нужно зафиксировать, что речь не о религиозной принадлежности противостоящих народов, хотя религии, безусловно, являются самым простым объяснением и внешней формой противостояния. Однако основная причина не только в России, но и во всем глобализирующемся мире — культурная несовместимость, выражаемая чаще всего в невозможности совместного бытования, особенно в условиях современных мегаполисов.

Сейчас не место детализировать, но замечу, что традиционная культура и быт мигрантов противостоят не традициям автохтонов, а тому усреднённому и унифицированному гламурному бытованию, с которым приезжие сталкиваются в крупных городах. Повторюсь, что подобный конфликт культур характерен для всех мегаполисов стран северного полушария.

Пытаясь понять причины нынешних межэтнических конфликтов в России, нужно иметь в виду эти соображения, так как это базис, имманентный возникновению крупных инородных и инокультурных общин.

В то же время нынешние события вызваны вполне характерными именно для современной России обстоятельствами, на которых следует остановиться подробнее.

Я, разумеется, не оригинален, так как те или иные аспекты были неоднократно проанализированы отечественными аналитиками. Я только объединил их и расположил в той последовательности, которая представляется наиболее логичной.

Считаю, что есть три разряда причин, приведших к выступлениям националистов и последующим столкновениям: объективные, субъективные и те, которые можно охарактеризовать, как манипуляционные или даже провокационные.

Итак. Первостепенной я считаю отсутствие российской политической нации. В середине девяностых властные элиты и ответственная часть общества пытались нащупать национальную идею. Тогда экономические либералы считали данную затею бесплодной, а этно-националисты ругали, по их словам, «россиянские» проекты. В итоге элементы национальной идеи сложились почти стихийно, и я этого ещё коснусь. Сейчас же обращаю внимание на очевидное: российской политической нации нет.

А что есть? Есть несколько непересекающихся культур, различных поведенческих стереотипов и бытовых установок в самом русском этно-социальном организме, есть рост агрессивного исламизма и мракобесного православия на фоне цезарепапистских трендов традиционных религиозных обществ, есть сепаратизм уже не только этнических окраин, но собственно русских регионов.

Зато нет осмысленной миграционной политики и не разработаны модели адаптации мигрантов. Нет методик гармонизации межэтнических отношений самих российских этносов. И главное — не сложилось понимания своей общности и самоидентификации как российской гражданской нации. Хотя в идеале — этим гордятся.

Всего этого нет по вине власти. Центр слишком много взял на себя (и себе), и это вызывает справедливый, но неадекватный стихийный протест. Россияне любой этничности не считают себя (и по факту не являются) гражданами, но инстинктивно не желают быть подданными олигархата, правящего в стране. Все понимают, что так называемые элиты и основная масса граждан — не в одной лодке.

Во-вторых, склонность россиян к насилию. Действительно, насилие стало неотъемлемой составной нашей жизни. Мы можем наблюдать насилие в семье, в бизнесе, в политических разборках. Не имея возможности и опыта действовать автономно, гражд-

дане и сообщества, доведённые до отчаяния, действуют просто. Как представители животного мира, то есть бьют друг друга. Это плохо, и это — признак слабости. Сильный субъект коммуникации идёт на компромиссы, так как уверен в себе, и лишь слабый склонен решать противоречия путем насилия.

В-третьих, я полагаю, что мы воочию наблюдаем непосредственный результат пропаганды «вставания с колен». Не имея реальных достижений ни в чём, не имея даже сколько-нибудь ясного плана развития, приемлемого для абсолютного большинства, но пользуясь удачной конъюнктурой международных цен на сероуглеродное сырьё, путинская властная элита не нашла ничего лучшего для скрепы населения вокруг себя, как только негативную мобилизацию. Такой мобилизационный проект предполагает объединение не «за» что-то, а против кого-то. Причём, чем менее самодостаточен и амбициозен мобилизационный проект, тем более грандиозен гипотетический противник. Между прочим, Интернет-проекты пропутинских молодёжек хороши хотя бы тем, что в них наиболее чётко, рельефно виден властный месседж. Бесконечные призывы непримиримой борьбы с «пиндостаном» — даже назвать Америку Америкой смелости не хватает — столь же бесполезны для нашей страны, сколь безопасны для США.

США далеко, и это — сильная страна. У нас нет никакой возможности бороться с ними и победить их. Максимум, что может сделать самое безумное руководство России: громко хлопнуть дверью. Понятно, что суицидальные наклонности нехарактерны нашему меркантильному и гедонистскому правящему классу. Однако в качестве месседжа для «пиπλα» антиамериканизм вполне подходит: возродить прежние фобии значительно проще и дешевле, чем сконструировать новые, не говоря уже о чём-то позитивном. Но тут есть одна небольшая загвоздка: американцев как объекта ненависти под рукой нет, но если бы и были, США защитят своего гражданина. Между тем, накопившуюся ненависть надобно куда-то девать. Как правило, маргинальные сообщества, коль скоро у них нет возможности отомстить своим мнимым или реальным обидчикам, ополчаются против тех, кто кажется им еще большим маргиналом. Характерно, что в 90-е, когда шла война в Чечне, индивидуального террора против инородцев и иностранцев практически не наблюдалось. Теперь же, когда официальная пропаганда не устаёт уверять нас в стабильности и порядке на Северном Кавказе как результате мудрой политики «нацлидера», случаи индивидуального террора становятся обыденностью крупных русских городов. Тренд нарастал все «нулевые» и теперь стал массовым явлением. Поэтому полагаю: причина в ненависти, накопившейся в результате политики «вставания с колен», инспирированной Путиным и его политическим и политтехнологическим окружением.

В-четвёртых, наметившийся разрыв путинского «общественного договора». В чём его суть? В том,

что всё прошедшее десятилетие власть подкармливало население крошками газо-нефтяного пирога, но ограничивало его независимую инициативу во всём: политике, экономике, социальной жизни, интеллектуальном поиске. Более того, властью были предложены противоречивые и лживые схемы осмысления отечественной истории, традиций и культуры, которые не только не способствовали развитию нации, общества и гражданина, но и всячески атомизировали и отупляли последнего. В итоге наиболее активные граждане и сообщества — особенно это касается молодёжи, — оторванные от корней и традиций и лишённые возможности объективного познания, самостийно сконструировали мировоззренческие, весьма сомнительные, надо заметить, мифы. Прежде эти мифы и пропагандирующие их сообщества были латентны и маргинальны. Теперь же, когда путинский «общественный договор» начинает размываться, они выходят из спячки и подполья, по существу становятся майн-стримом социальной активности. В конечном счёте, они обернутся против самой властной элиты. Не случайно, когда года два назад в экспертной среде пошли разговоры о конце этого «общественного договора», так сильно возбудились (и возмутились) запутинцы и, в частности, В. Сурков, как один из конструкторов нынешнего режима.

В-пятых, нельзя не отметить непрофессионализм и трусость наших правоохранителей. Когда им противостоит мирная группа, требующая соблюдения своих конституционных и легитимных прав — милиция и ОМОН безжалостны. Если же они сталкиваются с агрессивной толпой, не только жестокость, но и мужество покидает их. Можно только ужаснуться, подумав, что будет, если им придется противостоять вооружённым массам. В общем, наши правоохранители — молодцы среди овец, а среди молодцов — овцы.

В-шестых, бесправие граждан и злоупотребления власти. С чего формально начался нынешний виток противостояния? С того, что милиция выпустила из-под стражи убийцу футбольного фаната. Я не исключаю, что Черкесов — такова фамилия убийцы — действовал в целях самозащиты. Но нам известно, что подобные лояльность и либерализм нехарактерны для наших правоохранителей. Наоборот, типичны ситуации, когда и правоохранительные органы, и суды действовали, мягко говоря, не вполне адекватно, особенно, если социально-экономический статус жертв и убийц резко отличался в пользу последних.

Пока дело касается соплеменников — глухой протест остаётся в сфере социальных отношений, когда же обидчик является представителем иного народа, противостояние выходит на этнический уровень, и накопившаяся злость на многие несправедливости выплёскивается на улицу, принимая столь драматические и опасные формы.

В-седьмых, я обозначил бы политическую несвободу. В «нулевые» запутинцы уничтожали все

сколько-нибудь независимые политические партии. Задумайтесь, если даже сейчас власть допустит самые честные и справедливые выборы, политический состав представительных органов почти не изменится, так как реальная оппозиция не может организовать политические партии — таков Федеральный закон «О политических партиях в РФ», и также она не имеет достаточного временного лага для пропаганды своих идей. Отсюда: нет партий, которые отстаивали бы этнические интересы русского большинства в рамках публичной цивилизованной политической дискуссии. Нет даже националистических этнических партий, как русских, так и иных народов России. Партий нет, но запрос есть. Наряду с мифологизированными мировоззренческими и идеологическими конструкциями, укореняющимися в сознании молчаливого большинства каждого этноса, активное меньшинство объединяется для стихийного протеста. В нём нет логики и рационального начала. Он — сгусток эмоций. По мне, так пусть лучше в Государственной Думе будет фракция исламских демократов, чем ваххабиты с поясами шахидов в метро, лучше «Славянский союз» в законодательных органах, чем скинхеды, кидающие «зиги» у могилы Неизвестного солдата. По крайней мере, это будет дискуссия, а не война.

В-восьмых, молодёжная политика властей. Некоторые аналитики обращают внимание на очевидные связи ведомства В. Якеменко с руководством футбольных и иных фанатских группировок. Да и последняя встреча «нацидлера» с фанатами, так же, как и присутствие на Манежной 11.12 Хирурга — главаря байкерского клуба «Ночные волки», к коим В.В. Путин перед летними пожарами приехал на трёхколесном «Харлее», — о многом свидетельствует. Но я даже не буду углубляться в эти дефиниции.

Важнее, на мой взгляд, другое: Сурков и Якеменко — имитаторы, и в то же время — духовные растлители подрастающего поколения россиян. Я понимаю их страх перед «оранжевыми революциями», их стремление «задействовать» молодёжь, но делается это крайне грубо и, я бы сказал, калтурно.

Посудите сами: во-первых, задействованным оказался крайне ограниченный контингент, в чём сознаются функционеры и комиссары «Наших», МГЕРа и т.п. Ориентированы эти пропутинские активисты исключительно на карьерный рост и материальную выгоду. Главное, против реальных беспорядков пропутинские молодёжки оказались бесполезны. Более того, не исключая участие тех же молодых людей и в селигерских посиделках, и в стоянии на Манежной.

Между тем, российская молодёжь действительно нуждается в позитивной занятости. Не думаю, что члены корпуса российских разведчиков (бойскаутов), буде задействован этот проект, стоили бы бюджету больше, были бы менее патриотичны и позволили бы себе противоправные действия.

Тут ещё нужно понимать специфическую психологию подростков и молодых людей, нужно позаботиться об их частичной занятости, приветствовать учебу и профессиональный рост, наконец, ослабить экономическое давление на их родителей. Иными словами, нужно быть профессионалами и политиками, а не имитаторами и политехнологами.

В-девятых, неравенство регионов. Уточню: все регионы бесправны, но политика центра такова, что даже в своем бесправии они не равны. Особенно это касается экономических субсидий и дотаций. Получается, что российские субъекты Северного Кавказа получают больше денег и фактически имеют большие возможности, чем регионы, где большинство — этнические русские. Эту негативную тенденцию можно преодолеть, задействовав механизм децентрализации и субсидиарности, т.е. действуя строго в соответствии с российской Конституцией. Однако подобный ход мыслей не присущ властной «вертикали».

В-десятых, дополняющее это неравенство право запутинцев — экономических и политических — быть выше иных граждан. Очевидно, что если в войне с сепаратистами центральная власть опирается на одну из банд с целью подавления других бандитов, это — не замирение, а подкуп. Но подкуп не только финансовый. Это ещё и политический ресурс, делегированный центральной властью своим вассалам. Поскольку он нелегитимный, то вызывает справедливый протест и в то же время мультиплицируется иными региональными элитами. Наиболее очевидна эта метода — власть взамен лояльности — в Чечне, но вспомним бизнес Урала Рахимова и Елены Батуриной. Вспомним, что и в данном случае Черкесова «вытащили» из милиции люди, приехавшие на машинах с номерами представительства КБР, что не могло быть сделано без ведома президента республики А. Канокова.

Наконец, в самом начале я упомянул о тех контурах национальной идеи, которые сложились в путинские «нулевые». Сложились, по большей части, стихийно, что совсем не значит, что власть не подхватила их.

Первое здесь — победа во Второй мировой войне. На фоне пустоты «нулевых» победа шестидесятипятилетней давности — единственный, с точки зрения властей, объединяющий фактор. Несомненно, эта победа — событие великое в своем значении, но это — событие прошлого. Общество не может двигаться вперёд, если, образно говоря, его голова повернута назад. Более того, циничный и нарочитый официоз рождает отторжение. Отсюда и «зиги».

Второй объединяющий фактор — спорт. Причём, поскольку наши достижения на международных соревнованиях весьма скромны, власть стремится организовать побольше чемпионатов и олимпиад на территории России. Помимо прочего — прекрасная возможность почти открытого распила бюджета.

Не люблю А. Проханова, но замечу, что согласен с его отрицательной характеристикой псевдо-патриотизма, когда человек с пивным пузом иступленно скандирует «Россия», наблюдая по телевизору в баре или дома международные матчи. Опять же, подобные эмоции требуют выхода. Вот они и выходят на Манежную в Москве и Пионерскую в Санкт-Петербурге.

Все это — провоцирует и развращает публику. Молодёжь протестует, а поскольку ей неизвестны конструктивные формы отстаивания своих прав, этот протест приобретает погромный характер.

Повторю, в конечном счёте этот протест обернётся против существующей власти. Не нужно обольщаться, никакие заигрывания с этно-националистами не сделают власть для них «своей». Од-

нако данная ситуация позволяет наиболее упёртой, жадной и тупой части властной элиты начать новый виток «закручивания гаек» и репрессий, как против националистов, так и против всей оппозиции, то есть против всего живого, что ещё осталось на российском политическом поле.

В конце концов, победа любых организованных публичных и легитимных форм оппозиции неминуемо ведёт часть элиты к судебным процессам. Если же в России начнётся межэтническая гражданская война и затем очевидный развал, то наши олигархи «с глубоким чувством выполненного долга» уедут к своим деткам и зелёным «бабкам», а нынешний властный менеджмент отечественного олигархата с чистой душой назовёт себя «российским демократическим правительством в изгнании».

Григорий Амнуэль

О любви, дружбе и «крышевании»

Уверен, в период новогодних праздников хочется говорить только о хорошем. Именно поэтому я и решил немного поговорить о светлом — о любви, о дружбе. Но, простите, опять не удержался, и как снежные лавины с крыш на московских улицах, сполз к концу на «крышевание». Вы должны прочесть эту статью в февральском номере, всё-таки ближе к весне, на которую мы так всегда надеемся и которую так ждём, ведь весна — это время любви. Так что обо всём по порядку.

В чём разница между тремя чувствами-поступками-выборами жизненного уклада? Попробую объяснить. Был я в одной поездке, и в ней молодой перспективный человек, между прочим, в свои двадцать с небольшим уже депутат, ну, пускай ещё совсем маленький, но всё-таки, неожиданно говорит: «Десять лет назад над Россией взошло солнце — Владимир Владимирович Путин!!!» Вы думаете — он шутил? Нет, он был абсолютно серьёзен и даже был готов спорить, что лучше бы это «солнце» взошло над всем миром. Нам, людям старшего поколения, это, конечно, что-то напоминает, навидались мы разных солнц, а наши отцы и деды и того пуще, но, безусловно, синдром «Любови народа к своему вождю» — живуч. Вот вам и первая заметка, или, может быть, зарубка про любовь.

Помнится, была ещё любовь «партии к своему народу» — это, правда, при однопартийной системе было. Но кто даст гарантию, что это не ждёт всех россиян в наступившем году, он ведь выборный. А значит, приготовьтесь к пылкой любви. Хотя наличествующие в ГД—ФС—РФ (для тех, кто не понимает языка чиновников, в ГосДуме) четыре партии и не всегда голосуют единогласно, но всё же любовь к государственной кормушке делает их удивительно похожими на одну, но большую, с левым

и ещё более левым уклоном, разумеется, на «национальной» почве.

Недавно был в столице одного российского региона, так там уже красуется большой баннер — «Где русским жить хорошо — там мы». Разумеется, на партийном голубом фоне счастливое лицо несменяемого вице-спикера. Поспрашивал людей, что да как, и как-то возникли сомнения в том, что жить хорошо — там, где они. Соотечественников из южных регионов тут немного, за окном — минус 27, и это не предел. И так ещё месяцев пять в году. Трудолюбивых беженцев из горячих точек тоже явно мало, но зарплата в столице региона с большим трудом дотягивает до 10 тысяч рублей (\$1 = 30 рублям). В тамошней провинции и 5 тысяч рублей почитают за зарплату. Разумеется, цены на рынке ниже московских, но в остальном средние по стране. Так что как жить с любовью и удовольствием в таком развитом государстве, нацелившемся на модернизацию, вопрос сложный. Люди, т. е., простите, граждане, разумеется, не все, но иногда задумываются не только о любви, но и о перспективах жизни. Хотя это сугубо интимно и не для печати...

Кстати, ещё подмечено о любви. В заведениях — питейных — всё больше преобладают представительницы «слабого пола». По статистике женщины, а особенно девушки, начинают уверенно обгонять сверстников по пристрастию к табаку и прочим пагубным склонностям. Как показала Манежная площадь, ведут они себя не всегда как слабый пол, а иногда как сильный и агрессивный. Доля пьющих и курящих женщин в России неизменно увеличивается. Если «мужик» вовлечён в «престижную» работу где-нибудь в силовых органах необъятной страны, а там казарма, дисциплина и отрыв от дома, то, что ей, «бабе», остаётся — вот она опять, как в послевоенное время, становится и бабой, и мужчи-

ком. По данным МВД, в волнениях на национальной почве на площадях различных городов России до 40% составляли девушки! Вот вам и перспективы любви. Теперь, к радости особенно «нравственных», у боевых девушек есть альтернатива — совсем не обязательно пополнять ряды древнейшей из профессий, можно пойти по следам Веры Засулич и ей подобных. Чего-чего, а звучных званий и неплохого содержания для желающих (комиссар, член политсовета, политработник) молодёжные движения, организованные властью («НАШИ», «Местные», «Россия Молодая» и др.) предлагают в широком ассортименте. Знать, кто была эта Засулич — или вообще разбираться, что в отечественной истории правда, а что ложь — тоже не обязательно и даже вредно. Нужно просто внимательно слушать. Президент, или Премьер, или ещё какой-нибудь лидер обязательно скажут, что есть белое, а что красное. Возможно, это и хорошо, так как путь Засулич ох, как далеко завёл и народ, и страну. Тем, кто забыл, напомним: к гражданской войне. Окончание которой отмечено в учебниках истории, но, увы, не в головах соотечественников. Какая уж при гражданской войне любовь, разве, что «Яровая» или «41», т.е. любовь, при которой любимая убивает любимого, и не из ревности, а во имя «великой идеи».

Говоря о любви и дружбе, нельзя не коснуться международных аспектов. У нас, после апреля, кажется, наметилась любовь и дружба с Польшей! Что может быть лучше: прекрасная страна, красивые люди, великая культура, вкусные плоды, которыми она щедро делится. Да и нам есть что предложить, особенно из недр. Д. Медведев обнимается с В. Комаровским, а В. Путин с Д. Туском, даже наше «не место для дискуссий» разразилось дискуссионным заявлением **«О Катынской трагедии и её жертвах»**. Вы не поверите, за это постановление проголосовали единогласно все, разумеется, кроме членов КПРФ. Коммунисты России будут отстаивать свою невиновность до последней капли зарплаты и своих принципов, но я не о них, а о наших главных и ведущих, о «Единой». Так вот, прозрели даже те, кто ещё в марте говорил совсем противоположное. Кто постоянно рвёт рубаху на груди, доказывая лживость западной пропаганды о Катынском вопросе. Да, да, и Затулин, и Марков, и вожди — идеологи «Наших», и многие другие, постоянно обвиняющие поляков в русофобии, вдруг всё осознали. Вы верите? Да, любовь и дружба, а особенно приказ свыше — делают и не такие чудеса, или, может, это совесть проснулась? Какое еще другое, не свойственное обласканному властью человеку, чувство? Время покажет. Главное, чтобы этот приступ чувств был искренним, правдивым, честным, и не напоминал тесные объятия старшего восточного брата в 40-х и далее следовавших годах. У такой «крепкой» любви бывает трагический конец и горький развод. Не хотелось бы наступать на старые грабли. Тем более, что 43% поляков в пожеланиях себе на 2011 год на первое место поставили оконча-

ние гражданской войны в Польше! Заметьте, её, гражданской войны, там нет! Есть только выборы и различность мнений по поводу Смоленской трагедии. Надеюсь, что правда восторжествует, и если не любовь, то уважение и дружба между соседями будет не вынужденной, а искренней, т.е. не будет «крышеванием».

Вот и с Беларусью, тужились, заявляли, грозили, уверяли, а в результате Батька остался Батькой. Видимо, как ни крути, но пока народ так решил. Может быть, не из любви, а из-за чего-то ещё, может быть, и не весь, но белорусский, а не какой-то завозной. Ну, нет пока альтернативы любви Батьки к своему народу и любви народа к своему Батьке. Может, народ ещё не подрос, а может, и Батька для них не так плох. Ведь стонут же у нас по Вождю, и цветы возлагают, и в каждом городе памятники как стояли, так и стоят, и никто их не сносит. Что же удивляться, мы же с братским народом одно насилие «любви с крышеванием» вкусили, сладкий плод. Теперь долго ментальность выправлять придётся, возвращая истинные ценности и истинные, а не извращённые понятия. Да, кстати, если бы не отношение российской власти и пропаганды к событиям на «майдане», несколько лет тому назад, возможно, и в соседней Беларуси что-то изменилось бы в демократическую сторону, а так, что на зеркало пенять. Всем, и в том числе РФ, придётся смириться и продолжать непростой диалог с соседом, во имя любви и дружбы — они ведь всегда лучше войны. Хотя в чём-то мы становимся похожи. Раньше белорусских вождей объявляли персонами «нон грата» (нежелательной), теперь это грозит и российским VIP-персонам, вот только интересно, европейцы и американцы смогут перебороть свою любовь к некоторым, или нет?

Есть ещё пример странной «любви» к законности и справедливости. Закончен второй процесс М. Ходорковского и П. Лебедева. Сколько ни обращались адвокаты, свидетели и подсудимые, рок-музыканты и деятели культуры с правозащитниками к разуму, к чувствам, к справедливости, любовь Власти к Закону осталась непреклонной. Простите, перепутал, любовь Закона к Власти. Поэтому, если власть сказала, на своём «крышеватом» языке, как должна выглядеть эта любовь, так тому и быть. А для непонимающих — есть ещё много проявлений этой любви, дружбы, тем, более, что **«народ безмолвствует»**, т.е. любит её — эту власть. Просторы страны с той любовью ох, как широки и далеки. Помните, когда-то пели: **«от Москвы до самых до окраин нам не счесть ни тюрьм, ни лагерей...»** — так звучали в тиши интеллигентских кухонь переделанные слова известной песни сталинских и андроповских времён.

Ну и последнее, чуть-чуть о «крышевании» — как о чувстве и как о средстве. Кущёвская, Гусь-Хрустальный, неужели вы думаете, что это исключения? Да нет, это правило. Почитайте надписи вдоль российских железных дорог. В стране, где

чувства и понятия извращены, где одной из самых главных тем разговоров Президента и Премьера с народом является борьба с коррупцией — заметьте, РАЗГОВОРЫ, а не борьба. Где цена человеческой жизни равна нулю, а человеческого достоинства — и того меньше. Где любовь к родине — путают с ненавистью к представителям других стран, народов и наций. Где одни — Власть — живут по своим законам, а другие — Население (иногда электорат) по их воле. Где перекрытие дорог — нормальная ситуация, только раньше перекрывало ФСО и ГИБДД, да «НАШИ», а теперь ещё и «фанаты». Всё построено именно на этих понятиях, мне можно — а вам НЕЛЬЗЯ. Не изменив этого, не изменить отношение к коррупции а, следовательно, всё больше мы будем понимать слово «крышева-

ние». Кто-то с одной, а кто-то — с другой стороны, и всё меньше будет в нашей жизни нормальной человеческой дружбы и любви.

И последнее: любовь — объект любви не выбирает, и им легко может оказаться человек, не совсем похожий на тебя... дальше пересказывать Шекспира и прочих великих не буду, помните только о Ромео и Джульетте, об Отелло и Дездемоне, и пусть чувство искренней любви и дружбы согреет вас в 2011 году.

Р.С.: В декабре В. В. Путин посетил могилу Егора Свиридова — фаната, убитого в драке. Помнится, раньше он посещал могилы Собчака, Солженицына, Ильина, Деникина. Видимо, в новом десятилетии будут новые «герои»? А может быть, всё-таки обойдёмся без «крышевания»?

Анджей Станьковский

Два визита

ЕЩЁ О ПОЛЬШЕ, ИЗ ПОЛЬШИ И В СВЯЗИ С ПОЛЬШЕЙ

Наш журнал часто упрекают, что мы слишком много времени и места уделяем Польше. Наверно, обвинение заслуженное, но как можно обойтись без Польши, если события, разворачивающиеся на её территории или при участии её граждан, так сильно влияют на историю и будущее России: всё-таки, два близких славянских народа, как ни крути. Государственный визит Президента РФ Д. Медведева, заявление ГД ФС РФ «О Катини», доклад МАК о Смоленской трагедии, всё это ежедневно комментируется в Польше, мы предлагаем читателям ознакомиться с тем, как это видится из Польши. Разумеется, это субъективный взгляд, но он составляет общую картину происходящего.

6 декабря 2010 года должен был закончиться застой в польско-российских отношениях. Так это представил президент Польши Бронислав Коморовски. Лёд должен был тронуться. Предпраздничная радость охватила крупнейшие средства массовой информации, ориентирующиеся на власть. Тем более, что положение со СМИ в обеих странах всё более и более схоже, поясню: СМИ в Польше объединяет сейчас такая же связь с лагерьем власти, как в дружественной Москве, а вот является ли это образцом демократических стандартов — большой вопрос. Но задумаемся, с чем можно сравнить этот невероятный праздник? Ни один из двух последних визитов президентов России не имел такого оформления, не вызывал такого энтузиазма власти. Даже визит генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва, провозгласившего перестройку и начинавшего процесс выявления правды о Катини, не был воспринят с таким преклонением. Не припоминается, чтобы кто-то писал, что поляки ждут Горбачёва как Папу Римского. Теперь такое сравнение появилось — в российской «Независимой газете» — и серьёзно было повторено в польских СМИ. Это

Данная статья является авторизованным переводом с дополнениями статьи профессора Ягеллонского университета Andrzej Nowak от 08–12–2010, специально для журнала «Посев» Анджей Станьковский. Заголовок редакции.

выглядит явным преувеличенным. Лично у меня, да и у многих, судя по свободной прессе, которая в Польше ещё существует, визит Д. Медведева ассоциируется с торжественным прибытием Николая. Разумеется, речь идёт не о Святом Николае, а о Николае II, посетившем Варшаву в сентябре 1897 года. Энтузиазм был поразительно похожим, да и место визита — Королевский Дворец — осталось прежним. Тогда тоже все восхищались тенденциями «либерализма и модернизации», которые приписывались молодому царю. В его честь Варшаву украсил «лес триумфальных арок», безусловно, кто-то протестовал, но это были, очевидно, маргиналы из ППС (Польская социалистическая партия). Граждане Варшавы надеялись, что новый царь изменит судьбу края над Вислой. Никаких восстаний или опасных пустых мечтаний; будем лучше жить и развиваться, выгоднее торгуя с большим партнёром с Востока. Надежды были столь велики, что под влиянием агитации энтузиастов польско-российской «оттепели» решились на сбор денег для царя. Был собран миллион рублей (оплата квалифицированного работника в то время — 40 рублей в месяц). Царь милостиво принял и изволил пожертвовать на строительство политехники российской в Варшаве. Более того, милостиво согласился на организацию другого сбора — на строительство памятника Адаму Мицкевичу... Уверен, кому-то сравнение покажется неудачным. Ведь тогда Польша не имела независимости, а сегодня имеет. Да, правда, в этом огромная разница. Но всё-таки атмосфера особенного официального энтузиазма лично мне кажется сопоставимой.

Вернёмся в день сегодняшний. Что конкретно приобретёт Польша благодаря этому визиту? Что даёт нам надежду на новую эпоху и «конец застоя»? В чём «исторический прорыв» в польско-российских отношениях? «Газета Выборча» (Gazeta Wyborcza) в номере от 6 декабря в статье Анджея Кублика и Рафала Засуны приводит необычайно предметный анализ важнейших экономических результатов визита российского президента в Варшаву. Прочитую: «Единственная аксиома в ходе визита Медведева — изменение устава компании EuRoPol Gaz, в который будет введён принцип единогласного принятия всех решений в компании. Но, к сожалению, на практике это увеличивает влияние Газпрома». Поясню: EuRoPol Gaz — это ключевая компания для всей системы импорта газа из России в Польшу. Новый устав означает простое увеличение контроля Газпрома над стратегическими решениями, касающимися этой системы, и одновременное ослабление польской позиции. Степень зависимости Польши от России в части поставок газа решительно увеличивается. Президент привёз предложение расширения энергетической зависимости Польши от Москвы и в других областях. В связи с международными обязательствами Польша должна

ограничить выбросы CO₂ в атмосферу, для этого придётся сократить добычу угля, соответственно, главным источником энергии остаются газ и атомная энергия. С газом всё понятно из вышесказанного, посмотрим, что намечается в атомной энергии. До сих пор было два проекта: собственная атомная электростанция в Жарновцу, а также присоединение к новой атомной станции, строящейся в Литве. Президент РФ предложил отказаться от подключения к системе Литвы и выбрать лучшее: подключиться к питанию с новой атомной электростанцией, которая должна быть создана непосредственно на границе с Польшей в Калининградской области. Комментарий всё той же газеты «Gazeta Wyborcza», кстати, незаподозренной в антироссийских фобиях. В цитируемой статье приводится мнение профессора Владыслава Мелчарского, руководителя наблюдательного совета компании, занимающейся строительством литовского соединения: «...Если Польша примет участие в строительстве Калининградской электростанции, то теряется смысл строительства собственной атомной станции, которая до 2020 года должна быть создана в Жарновцу. Стране не нужно такое количество энергии, да и существующие сети не готовы её передавать». Вот так, вместо развития собственной экономики, мы, кажется, собираемся помогать восточному соседу. Таким

образом, получается следующая картина: Польша получает газ исключительно из России (под всё более полным контролем Газпрома), и, вдобавок, принимает решение в пользу российской атомной энергии вместо собственной или союзной нам по Евросоюзу Литвы. Нас уверяют, что так станет безопасней? Для Кремля — да! Но с точки зрения страны, которую представляют президент Коморовский и премьер Туск, возникает большое сомнение? Именно этот вопрос является самым важным, который необходимо задать по случаю «конца застоя» в отношениях с Кремлём. Безусловно, кто-то скажет, что в экономике учитывается только коммерческий интерес, и газ и атомная энергия из России могут быть дешевле. Но история и финансовые законы указывают на то, что ситуация монопольного поставщика никогда не способствует снижению цен. И ещё один нюанс, важный политик России — Владимир Путин — среди своих многочисленных званий и степеней имеет также учёную степень кандидата **экономических наук**. Получил эту степень в **Санкт-Петербургском Государственном Горном институте** за кандидатскую диссертацию, посвящённую вопросу «**Как использовать экспорт энергетических ресурсов для реализации политических целей России?**» Президент (сейчас премьер) Путин и его помощник (сегодня президент Медведев), по существу, занимаются практической реализацией кандидатской диссертации. От-

ношения с Польшей в этом свете являются одним из её небольших, но совсем не лишённых смысла, разделов. Увы, данный аспект визита не вызвал широкого интереса СМИ. Жаль. Вместо этого нас ознакомили в деталях, как выглядело меню торжественного ужина во Дворце. Министр Радослав Сикорски представил доклад о переломном значении визита Президента РФ. В статье «С Россией нам есть, что строить», он констатировал, что критики реализованного сближения с Россией, «до сих пор не в состоянии указать ни одной стратегически важной причины, по которой мы откажемся от отношений с Россией, от единого поля деятельности». Интересно, что цитируемая нами выше статья с ответами или, точнее, с вопросами именно на эту тему напечатана именно в той же *Gazeta Wyborcza* в номере от 06.12.2010. Передача контроля над системой торговли газом с Россией в руки Газпрома — вероятно, это не такая уж малая причина? Возможность фактического подчинения Польши российской атомной энергетике — вероятно, тоже не мелочь. Однако министр Сикорски заявляет: «мы можем поддерживать Россию, а наши экономики могут дополнять друг друга». Пожалуй, оставлю без комментариев это утверждение. Хотя нет, упомяну обронённое руководительницей МАК Татьяной Анодиной замечание: «Россия великая страна, а Польша маленький край...» Продолжу цитировать нашего министра Сикорского: «Мы тоже имеем в польско-российских отношениях взаимную повышенную восприимчивость на боль второй стороны. Сегодня мы сможем признать, что в 20-х годах в польской неволе погибли тысячи солдат Красной Армии. Это тоже значительный прогресс». Что же, после признания Катынской трагедии большинством Парламента России, это симметричное действие, но вот только в Польше, в отличие от России, я что-то не помню отрицания гибели красноармейцев, взятых в плен, кстати, на территории Польши, где они, видимо, оказались исключительно с мирными целями, как впрочем и в 1939 году, когда в плен уже брали польских офицеров, и тоже с «мирными целями». Напомню, что польский историк, профессор Збигнев Карпус из Торуня, первым научно изучил судьбу советских военнопленных 1920 года и опубликовал свою работу в 1991 году. Никто и никогда в Польше этого не отрицал и уж тем более не списывал на гитлеровцев. С сожалением я должен констатировать, что в исторических вопросах встреча Медведев — Коморовский не принесла никакой реальной перемены. Премьер Путин 7 апреля в Смоленске на встрече с премьером Туском практически ещё раз подчеркнул основную версию Кремля: Катынская трагедия — лишь продолжение сложных, обгащённых кровью страниц совместной истории. Хочу ещё напомнить, что Правительство РФ недавно, в официальном ответе в Страсбургский суд касательно заявления «Семей Катынь-

ских», ответило: «Россия не обязана выяснять судьбу жертв Катыньских событий». Если бы польская сторона сумела бы убедить российскую сторону изменить данную позицию — и то можно было бы говорить не о причинах для гордости, но хоть для элементарного удовлетворения. Были ли такие усилия у польской стороны во время визита, остаётся тайной.

Кстати, возвратимся к Красной Армии и сентябрю 1939 года: тогда в Москву были вывезены захваченные архивы: архив Польских Легионов, почти весь архив разведки II Речи Посполитой, архив правительства, Сейма и даже Канцелярии Примасов Польши. Почему эти бесценные для поляков собрания до сих пор сохраняются в Российском Государственном Военном Архиве в Москве? Совсем не уверен, что это лучшее место для доступа к ним специалистов-историков и интересующихся.

И последнее, разумеется, не по значению, а по времени. Мы тактично молчим по вопросу необходимости немедленного возврата материальных свидетельств смоленской катастрофы. Почему президент Медведев в знак «конца застоя» не привёз уже и так разрезанные обломки разбившегося президентского самолёта? Почему польский президент и премьер не припомнили о возврате чёрных ящиков — ведь россияне уже имеют результаты своего следствия? Почему не припомнили о спутниковых телефонах президента РП и сопровождающих его шести генералов — как-никак шести генералов НАТО? Вряд ли достаточно заявления министра юстиции РФ Александра Коновалова, который обещает «посмотреть, что удастся сделать» по вопросу возвращения обломков разбившегося самолёта? Не внушает оптимизма и генеральный прокурор Юрий Чайка, на которого возложен контроль над российским следствием по делу смоленской катастрофы. Слишком много важных политических дел на его счету: дело убийства Анны Политковской, дело Александра Литвиненко, дело Михаила Ходорковского и Платона Лебедева. Сейчас в его руках нити следствия по Смоленской трагедии, следствия, которое явно будет основываться на выводах МАК, а не на замечаниях польской стороны и фактах. Мы, поляки, разумеется, надеемся, что предложения Конгресса США и Европарламента о внесении особо отличившихся чиновников РФ в деле Сергея Магнитского и Михаила Ходорковского в чёрные списки «невъездных — персон нон грата» придаст деятельности генпрокурора Ю. Чайки и его подчинённых, занимающих не последнее место в этих списках, стимул и возможность реально объяснить причину смерти польского президента и 95 других польских граждан...

Президент Бронислав Коморовски на торжественном ужине поднял в честь президента Медведева следующий тост: «Мы счастливы, потому

что живём в мире, который становится всё ближе к демократическим стандартам». У меня нет сомнений, Польша становится всё ближе к стандартам, которые преобладают в России — «суверенной демократии». Соответствует ли это нашей позиции в демократическом мире? Помогаем ли мы обретению истинно демократических ценностей, прописанных во «Всеобщей декларации прав человека» и в других международных документах — большой вопрос, такой же большой, как наш восточный сосед, с которым, разумеется, нужно строить отношения, но отношения честные и справедливые для обеих сторон. На лжи и крови таких отношений не построить. Это уже пытались делать Берут и Сталин, итог был плачевен, я не хочу, чтобы мы его повторили.

P.S. В серии утечек WikiLeaks Россия именуется «Имперским мафиозным государством». Станем мы сообщником его политических и экономических интересов или надёжным партнёром модернизации и либерализации?

P.P.S. От редакции: Мы намеренно иллюстрируем данную статью обложками изданных в Польше в 2010–2011 годах книг польских и российских авторов, рассуждающих и исследующих трагедию 10.04.10. Увы, даже написанная русским автором книга издана только в Польше, а ведь это тема, которая касается и россиян в том числе.

Маргарита Баранова

Новосёлам повезло как утопленникам

В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ БОГЭС БРОШЕНЫ НА ПРОИЗВОЛ ЗИМЫ
ОКОЛО ДВУХ СОТЕН СЕМЕЙ

Рискнула направить вам не напечатанную статью (она уже 14-я, слежу за событиями третий год, ранее — www.mkkras.ru) о положении дел в Кежемском районе Красноярского края. Там реализуется масштабный проект (т.н. частно-государственное партнерство) строительства Богучанской ГЭС в рамках освоения Нижнего Приангарья. С нарушением прав человека, несоблюдением сроков и обязательств и полным попустительством местной прокуратуры.

Афёрой века называют строительство Богучанской ГЭС кежмари. Не потому, что они против прогресса, электричества на экспорт или новых рабочих мест. Просто государственная программа по переселению жителей смахивает на грубую, циничную депортацию. Безграмотная политика правительства Красноярского края, делегирующего всю ответственность (строительство домов, распределение квартир, перевозка вещей, саночистка территории) госучреждению «Дирекция по подготовке и затоплению ложа водохранилища БогЭС», отсутствие депутатского и прокурорского надзора привели к тому, что не менее 180 семей вынуждены встречать Новый год в опустошённых, полусожжённых посёлках-призраках. Причём каждая семья (в некоторых есть дети и старики) выживает, как может.

Жизнь как чудо

В магазине п. Болутрино на прилавке лежат дамские чулки и кроссовки (дивный ассортимент в сорокаградусные морозы!) В п. Кежма продукты в магазинах есть — но только благодаря частным предпринимателям. Они получили рекомендацию районной власти «свернуть лавочку», но заверили односельчан: «Мы вас не бросим. Будем возить продукты до последнего жителя». Социальные объекты: школы, детсады, ДК, библиотеки — ликвидированы летом. В декабре свернули деятельность отделения Сбербанка (старики за пенсией должны ехать за 200 километров — в Кодинск). 1 декабря получили уведомление о сокращении почтовики. В Болтурино, где в декабре проживало не менее 25 семей, отделение связи закрыли. В Кежме, где мыкаются около ста семей, почта закрывается в январе.

Поселковые администрации сокращены до трёх единиц. Главы на днях переехали в тёплые кабинеты в администрации Кежемского района. В сёлах остались их замы и бухгалтеры — выдавать справки. «Аптека очень скудная, и фармацевт редко бывает, — констатирует жительница Кежмы Вера Голод. — Я проживаю в своей квартире. На градуснике — пять градусов тепла, при том, что калорифер работает непрерывно. С неделю лежала с высокой температурой — отказывали почки. Поднималась, когда понимала: либо встану, либо замёрзну, — едва

доползала до кухни, грела воду, в бутылки заливала и грелась».

Квартира Веры Ивановны — в одном из благоустроенных домов, которые отапливались от котельной. В октябре, по решению районной власти, котельную ликвидировали и разрушили — «не заметив», что в двухэтажках зазимовали несколько семей. Вере Голод предложили перебраться, пока не решится вопрос с квартирой, в освободившуюся избу с печью. «Суть в том, что я должна охранять свою собственность, — говорит она. — Если сожгут, мне не дадут квартиры».

А полыхают посёлки-призраки непрерывно. Питиевую воду, например, в Болтурино не подвозят, и жители топят снег — чёрный от пожаров. Зачищают территорию в основном силами з/к, которые, как и их контролёры, разумом и сердечностью не страдают. Например, поджигают часть дома, откуда выехали жильцы, в то время, как в другой половине живут люди. Сносят автобусную остановку, лишая пассажиров крыши над головой в лютый мороз. А с неделю назад в Болтурино на глазах старожилов подпалили памятник героям Великой Отечественной войны. Простенький, деревянный, он не имел цены. Хранил имена дедов, погибших на фронте; десятилетия слушал клятвы и, по сути, служил пилюлей от беспамятства. «Зачем было жечь так демонстративно, на глазах потомков?» — не понимает народ. При этом в Кежме осталось нетронутым кладбище. А это значит, что останки уйдут под воду, станут частью хранилища ГЭС, будут питать флору, фауну и человека...

Глядя на развернувшийся в Приангарье Армагеддон, жители отчётливо понимают: силы добра бой проиграли. И с этой мыслью им придется жить дальше...

«Мне душу выжгли»

В факел превратили и души кежмарей. Программа добровольного переселения, затянувшаяся до неприличия, обрекла каждую простую семью на мытарства. Депутаты ЗС края, принявшие в октябре 2007-го закон «Об условиях и порядке предоставления жилых помещений гражданам, подлежащим переселению из зоны затопления БогЭС», ни разу не потребовали от правительства края отчёта о его исполнении, за три года не задали коллегам-чиновникам ни одного неудобного вопроса! Неужто всё

идет так гладко? Отнюдь. Лишь за 2010-й год в ЗС и правительство края, в районную и краевую прокуратуру, правительство и аппарат президента РФ были отправлены сотни жалоб переселенцев на нарушение их прав. «Отовсюду — отписки или уведомления — дескать, жалобу получили, — говорит Вера Голод, лично обошедшая кучу инстанций в столице. — Правда, прекратился явный террор населения со стороны дирекции. Если раньше нас ОМОНом пугали и заявляли — получите 70 тысяч рублей и пойдёте на все четыре, то сейчас берут измором — уговаривают расселяться в города, которые люди изначально не выбирали. Нину Митрофановну, зав. библиотекой, мордовали-мордовали, наконец, дали квартиру. На днях её встречаю — поздравляю, а она поднимает потухший взгляд: «У меня была душа — выжгли мне душу. Жить не хочется».

«Понимаете, у дочери грудной ребенок, аллергия. Жили они до этого в Козинске. Так их заставили переехать в Кежму — проживать фактически. Топим печи целый день. На полу — 0 градусов, вверху — 30. Ребёнка третий раз в больницу увозят! — плачет пенсионерка Ирина Кастерова, полгода назад потерявшая мужа. — Летом я Навродского (директор ГУ «ДПВ БоГЭС» — «АиФ») Христом-Богом молила: помогите нам с детьми получить жильё! «Хорошо», — говорит. А в октябре в Кежму приехал: «Что вы хотите?».

Сначала Кастеровой с сыном-студентом кинули от щедрот однокомнатную квартиру. Затем приискали для них жильё посвободнее — в Шарыпово. «Я столько сил положила, чтоб детей выучить. Что им делать в городе, где нет работы?» — сокрушается коренная ангарчанка.

Не лучше обстоят дела у семей, добившихся достойного жилья. Они не могут переехать! «У нас в планах — до 20 января всех переселить. Квартиры половине жителей предоставлены. Правда, одним — в домах, не сданных в эксплуатацию, другие собрали вещи, но машин не хватает. Проблема в подрядчике», — рассказывает ведущий специалист отдела ЖКХ администрации Кежемского района Вита Смирнова. «Ждал машину полторы недели, — жалуется Степан Олеш из Болтурино. — Потом попросил знакомого и перевёз вещи за свой счёт». А в это время из бюджета края выделяются миллионы рублей на переезд кежмарей!

Впрочем, чему удивляться, если управленцы не знают ни сроков переселения граждан (теперь говорят — «заблаговременно»), ни сколько людей зазимовали на дне будущего водохранилища? По данным Минэкономики и регразвития края, в конце декабря в зоне фактически проживало 145 семей. По данным районной администрации — не менее 180.

Валерий Сендеров

К генеалогии идеи

Нелёгкая это работа: опрокидывать историю в прошлое. Что 30–70-е годы — вакханалия безудержного этатизма, что кровавые революционные идеалы были, вместе и с носителями своими, пре-

даны, проданы и истреблены... Сколько угодно можем мы повторять, объяснять и доказывать всё это. Увы — возражения большинства останутся несокрушимыми. «Учили-то все мы в вузах марксизм»...

Но вот 145 номер журнала «Континент» опубликовал посмертные записи И. Крамова. Литературный критик, специалист по Андрею Платонову, скончавшийся в 1979 году, известен сегодня в основном профессионалам-коллегам. Что ж, вполне почтенное дело: небольшие, достойные «пантеоны» для достойных людей своего круга...

Выяснилось, однако, вдруг: далеко не только. Кое-что в записях Крамова представляет острейший, сегодняшней интерес. Критик скрупулезно записал свои разговоры с одним видным сотрудником ИМЛИ. Имя его собеседника без труда опознано. Но не будем заниматься малокорректными публичными изысканиями. Да и не в них ведь дело. Скажем главное: собеседник Крамова — влиятельный *реальный* идеолог позднесоветской эпохи.

Разговоры

Сталин — Наполеон русской революции. Человек огромного ума и необыкновенных способностей провести задуманное в жизнь, в дело. Он совершил великое — уничтожил всю эту коминтерновскую шваль — «ненавижу их» — всех этих Зиновьевых, Радеков, Бухариных. Их нужно было раздавить для блага России, и Сталин сделал это. Он очистил Россию от всех этих самозванных благодетелей, скоропелых вождей, желавших владеть и помыкать ею, от всей этой пены революции.

...Те, кого он уничтожил, — те этого заслужили. Он спас Россию. 37-й год был благом, — иначе страна пошла бы в ярмо к этим новым барам, уже расположившимся для красивой жизни. Их надо было остановить — и Сталин выполнил эту историческую задачу.

Сдавленным шёпотом (всё говорится тихо, шепотком задышающимся на ухо):

— Сталин создал империю.

Вот это, наверное, главнейшее из того, что он может сказать о Сталине. Вот тут главный и неопровержимый итог — империя, вековая русская мечта, выношенная со времён Московского княжества в умах идеологов, политиков и патриотов и теперь впервые воплощённая с таким размахом и мощью. Ещё никому — никому из российских государей — не удавалось так воссиять над миром, как воссиял Сталин. Империя, созданная им на крови, — величие России, её звездный час, свершение исторического предназначения. Со времён Ивана Калиты шло это постепенное накопление, и теперь достигло своего предела, и Сталин завершил усилия собирателей земель русских, Грозного и Петра, и многих, многих других, больших и малых, Ермака и Потёмкина, Ермолова и Скобелева. Тут истинная преемственность русской жизни, которую революция не только не оборвала, а скрепила непостижимым образом.

Из всех этих рассуждений явственно проглядывает глубоко затаённая мысль, в которой он никогда не признается (да почему бы это, интересно,

и не признаться?! — В. С.): Сталин — в конечном итоге — пришёл для того, чтобы расчистить почву для нас, людей истинно русских, и вернуть нам значение. Он — орудие провидения, действующего в нашу пользу. Его историческая миссия — уничтожить нечисть, пролить кровь, стать палачом, явившимся для чёрной работы. Это метла, смерть, мерзость, — но необходимая, благодетельная. Это нож, срезающий горы грязи и завалы нечисти. А сейчас придем мы — и сядем на очищенное для нас место, и установим истинную преемственность русской жизни как духовный феномен, никем и нигде неповторимый.

Самое поразительное во всём этом — бестрепетная и полная готовность пролить кровь всех тех, кого «ненавижу», — «коминтерновской сволочи», а заодно и писателей, и поэтов, и просто невинных миллионов. В тот же котёл — и раскулаченная деревня, и спецы из потомственной интеллигенции, и крымские татары — во имя величия империи. Пусть гибнут, Россию эта кровь не запачкает.

Эта жажда империи и почести превозмогает всё, и презрение к палачеству в том числе. Тут намечается еще одна грань культа Сталина, — пожалуй, такой поворот событий он не предвидел. Революция пожирает детей своих — туда им и дорога, и чем чище подметёт метла, тем лучше, и эта метла — Сталин, это его палачество было нужно, чтобы очистилось жизненное пространство для истинной и настоящей России.

Тут всё додумано. Иноземное — гниль, зараза, болезнь, парша, надо держаться подальше, чтобы, не дай бог, не перешло.

— Вот джинсы буду носить с удовольствием, — NN показывает на свои джинсы, — а ничего больше и даром от них не хочу.

В конце концов, именно так всегда и решалось в России. Давай джинсы — давай геометрию, алгебру, фортификацию, станки, автомобили, специалистов, знатоков, но не лезь со своей идеей правопорядка, этого и даром не хочу.

Нынешние почвенники повторяют зады прошлого, но на свой манер. Еще никогда русское почвенничество не было так высокомерно. В его рассуждениях об «арифметическом сознании» Запада чувствуются сытая имперская отрыжка и корыстная любовь к родному кнуту.

Идеал народного типа, говорит NN, Иван Сусанин. Вот его нужно оградить от тлетворного влияния Запада.

Нет, говорю я, идеал народного типа — Пушкин. Слава Богу, его не нужно ни от чего ограждать.

Трудно найти здесь хоть слово, не повторяемое сегодня тысячекратно. Что ж — в своё оправдание ещё раз напомним: эти разговоры были записаны в 1970-е годы.

Ростислав Полчанинов

90-летие Русской Православной Церкви за границей

Гражданская война разделила Россию на красную и белую. У правящих владык в белой России прервалась связь с патриархом Тихоном, пребывавшим в красной Москве, и потому он повелел создать им временное церковное управление. Так появилось Временное Высшее Церковное Управление Юго-Востока России, которое покинуло Крым вместе с Русской армией генерала Врангеля, унося с собой чудотворную Курско-Коренную икону Божией Матери «Знамение», ставшую покровительницей русской эмиграции.

Оказавшись в Константинополе, Церковное управление Юго-Востока России в декабре 1920 года приняло название Высшего Русского Церковного Управления за границей. Патриарх сербский Димитрий пригласил русских иерархов к себе в г.Сремские Карловцы, предоставив им часть своего патриаршего дворца. Во главе Зарубежного Синода стал митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий).

В 1927 году, когда большевики готовились праздновать 10-летие своей власти, митрополит Антоний призвал русскую эмиграцию отметить эту годовщину протестами против большевистских злодеяний.

Из 3 000 000 русских за границей только примерно половина была эмигрантами. Вторая половина представляла собой национальные меньшинства в новообразованных государствах, не имевшие права, в отличие от граждан этих стран, устраивать антисоветские демонстрации. К тому же они и не были чадами РПЦЗ — Русской Православной Церкви за границей, а принадлежали к поместным православным церквям Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши, подчинявшимся Вселенскому патриарху в Константинополе. Русская эмиграция не откликнулась на призыв своего Первоиерарха. Военные круги в 1927 г. решили отметить 50-летие победоносной Балканской войны, и их влияние оказалось сильнее влияния РПЦЗ. Только в Берлине и где-то на Дальнем Востоке состоялись антибольшевицкие собрания. Говорят, что были попытки что-то организовать среди молодёжи, но они не имели успеха.

Во Владимирском монастыре в Ладомирове (Владимирово) на Пряшевской Руси, входившей в состав Словакии, была создана типография св. Иова Почаевского, и там в 1928 г. начал выходить журнал «Православная Карпатская Русь», который вскоре получил более широкое распростра-

нение и был назван «Православная Русь». Под этим названием он продолжает выходить и сейчас. (При приближении советских войск братию эвакуировали в Германию, и в 1946 г. они прибыли в США, в Св. Троицкий монастырь в Джорданвилле (США). С монахами прибыл и послушник, принявший в 1947 г. постриг с именем Лавр (Шкурла), с 2001 г. митрополит и первоиерарх РПЦЗ. Его стараниями РПЦЗ в 2007 г. вернулась в лоно Московской Патриархии).

Летом 1930 года в Белграде состоялся съезд представителей молодёжных союзов Болгарии, Франции, Чехословакии и Югославии. Был образован НСНП — Национальный Союз Нового поколения, впоследствии ставший известным как НТС — Народно-Трудовой Союз. Впервые в ноябре 1930 года этот союз всюду, где у него были отделения, провёл собрания под названием «Дни Непримиримости», ставшие вскоре традицией НТС, а потом и всей эмиграции.

22 июня 1941 года Германия и её союзники напали на СССР и быстро захватили огромную территорию от Ленинграда до Киева. В церковном отношении это была пустыня с небольшим количеством уцелевших храмов. Первоиерарх РПЦЗ митрополит Кишинёвский и Хотинский Анастасий (Грибановский) просил у немцев разрешения послать на оккупированную территорию СССР православных миссионеров, но получил отказ. С такой же просьбой обратился митрополит Берлинский и Германский Серафим (Ляде), немец по национальности, но и ему не дали разрешения. Только через год, когда в Германии появились лагеря вывезенных на работы советских граждан, так называемых «остов», появилась возможность, да и то не всегда и везде, духовно их окормлять. Епископ Бостонский Митрофан (Зноско) в своих воспоминаниях писал: «Зверюга “лагерфюрер” неоднократно изгонял меня с территории лагеря. Уходя в им открытую дверь, я, как говорится, возвращался к несчастным “через окно”».

После конца войны вместо одних ужасов начались другие. Тех советских подданных, которые не желали возвращаться в Советский Союз, насильно выдавали в руки большевиков, а советскими подданными считали всех, кто на вопрос «национальность» отвечал, что они русские. Чтобы не считаться советскими подданными, русские люди стали называть себя «бесподданными», или «православными».

Митрополит Анастасий обратился с протестом против насильственных выдач в Организацию Объединённых Наций, но безуспешно. Священники, где

Слово, сказанное 11 декабря 2010 г., во время трапезы в Св. Серафимовском храме в Си-Клиффе, США.

могли и как могли, рискуя быть схваченными большевиками и отправленными в советский концлагерь, спасали людей. Известен случай, когда в Британской зоне Германии о. Виталий Устинов (в будущем митрополит и первоиерарх РПЦЗ) и о. Нафанаил Львов (в будущем архиепископ Венский) спасли, при помощи поляков, более 600 человек сразу. При Синоде РПЦЗ был создан комитет по переселению, который многим помог выехать в Аргентину.

В 1966 г. проживавший в Германии Г. Рар, один из руководителей НТС, имевший опыт посылки в СССР литературы и листовок НТС по адресам, полученным разными путями, предложил архиепископу Женевскому Антонию (Бартошевичу) посылать в СССР религиозную литературу от имени

«Православного дела». С благословения архиепископа Антония началась отправка в СССР религиозной литературы, которую печатал не только НТС, но и канадское издательство «Заря», и Св. Троицкий монастырь в Джорданвилле (США).

Значение РПЦЗ ещё больше возросло после переселения русских из Австрии и Германии в Америку и Австралию. РПЦЗ стала в центре не только религиозной, но и школьной, и общественной жизни. Повсеместно стали возникать церковные школы, в которых преподавались не только Закон Божий, но и русский язык, история и география России. Церковные помещения стали местом встреч и собраний, а при детско-юношеских организациях появилась должность духовника.

К 80-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ

Борис Ельцин

Из книги «Исповедь на заданную тему»

Огонёк-Вариант; Москва; 1990

Моя первая книга — «Исповедь на заданную тему» — вышла в годы перестройки. В ней я ставил перед собой простую задачу — рассказать о себе: кто я, откуда родом, и вообще какова моя биография. Это было время, когда шла борьба между теми, кто хотел оставить Советский Союз в его прежнем виде, и новыми политиками, отстаивавшими демократические ценности.

За месяцы и недели происходило столько бурных и драматических событий, сколько раньше не умещалось в целые десятилетия. Мы менялись. И прощались с той эпохой, к которой, хочется верить, не будет возврата никогда. В какой-то момент я понял, что, может быть, есть смысл и в моих воспоминаниях. Уступив настойчивым просьбам, я согласился написать и о себе, и о том уходящем времени, которое мне пришлось пережить.

Детство было очень тяжёлое. Еды не было. Страшные неурожай. Всех позагоняли в колхоз — тогда было поголовное раскулачивание. К тому же кругом орудовали банды, почти каждый день перестрелки, убийства, воровство.

Мы жили бедновато. Домик небольшой, корова. Была лошадь, но и она вскоре пала. Так что пахать было не на чем. Как и все — вступили в колхоз... В 1935 году, когда уже и корова сдохла, и стало совсем невмоготу, дед, ему было уже около шестидесяти, начал ходить по домам — класть печки. Он, кроме того, что пахарем был, умел ещё и столярничать, плотничать.

Отец тогда решил всё-таки податься куда-нибудь на стройку, чтобы спасти семью. Это был так называемый период индустриализации. Он знал, что рядом, в Пермской области, на строительство Березниковского калийного комбината требуются строители — туда и поехали. Сами запряглись в телегу, побросали последние вещички, что были, — и на станцию, до которой шагать 32 километра.

Оказались в Березниках. Отец завербовался на стройку рабочим. Поселили нас в барак — типичный по тем временам, да и сохранившийся кое-где ещё и сегодня, — деревянный, дощатый, продуваемый насквозь. Общий коридор и 20 комнатушек,

никаких, конечно, удобств, туалет на улице, на улице же и вода из колодца. Дали нам кое-что из вещей, мы купили козу. Уже родился у меня брат, родилась младшая сестрёнка. Вот мы шестером, вместе с козой, — все на полу, прижавшись друг к другу, и спали. С шести лет, собственно, домашнее хозяйство было на мне. И за младшими ребятишками ухаживать — одну в люльке качать, за другим следить, чтобы не нахулиганил, и по хозяйству — картошку сварить, посуду помыть, воды принести...

Мать, которая с детства научилась шить, работала швейей, а отец рабочим на стройке. У мамы мягкий, добрый характер, она всем помогала, обшивала всех — кому надо, юбку, кому платье, то родным, то соседям. Ночью сядет и шьёт. Никаких денег за работу не брала. Просто если кто полбулочки хлеба или ещё что-нибудь из еды принесёт — на том и спасибо. А у отца характер был крутой, как у деда. Наверное, передалось это и мне.

Отец всё время что-то изобретал. Например, мечтал изобрести автомат для кирпичной кладки, рисовал его, чертил, придумывал, высчитывал, опять чертил, это была его какая-то голубая мечта. До сих пор такой автомат никто не изобрёл, к сожалению, хотя и сейчас целые институты ломают над этим головы. Он мне всё рассказывал, что это будет за автомат, как он будет работать: и кирпич укладывать, и раствор, и затирать, и передвигаться как будет — всё у него было в голове задумано, в общих схемах нарисовано, но в металле осуществить идею ему не удалось.

Отец скончался в 72 года, хотя все деды, прадеды, жили за девяносто, а маме сейчас 83, она живёт

с моим братом в Свердловске, а брат работает на стройке рабочим.

Просуществовали мы, таким образом, в бараке десять лет. Как это ни странно, народ в таких трудных условиях был как-то дружен. Учитывая, что звукоизоляции... — впрочем, тогда такого слова не знали, а соответственно, её и не было, в общем, если в любой из комнат было веселье — то ли именины, то ли свадьбы, то ли ещё что-нибудь, заводили патефон, пластинок было 2–3 на весь барак, как сейчас помню, особенно «Щорс идёт под знаменем, командир полка...» — пел весь барак. Ссоры, разговоры, скандалы, секреты, смех — весь барак слышит, все всё знают.

Может, потому мне так ненавистны эти бараки, что до сих пор помню, как тяжело нам жилось. Особенно зимой, когда негде было спрятаться от мороза — одежды не было, спасала коза. Помню, к ней прижмёшься — она тёплая, как печка. Она нас спасала и во время всей войны. Всё-таки жирное молоко, хотя и давала меньше литра в день, но детям хватало, чтобы выжить.

Ну, и конечно, уже тогда подрабатывали. Мы с мамой каждое лето уезжали в какой-нибудь ближайший совхоз: брали несколько гектаров лугов и косили траву, скирдовали, в общем, заготавливали сено: половину колхозу, половину себе. А свою половину продавали, чтобы потом за 100–150 рублей, а то и за 200, купить буханку хлеба.

Вот, собственно, так детство и прошло. Довольно безрадостное, ни о каких, конечно, сладостях, деликатесах или о чём-нибудь вроде этого и речи не шло — только бы выжить, выжить, выжить и выжить.

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Антон Васильев

«Империалистическая»? Или...

1. Знакомые фразы

Единое германское государство возникло в 1870 году после победы над Францией в битве при Седане. В эти годы «подъёма пассионарности» чрезвычайно бурно развивалась немецкая политическая мысль, и амбициозные лидеры становились властителями дум. Наиболее популярным из них стал член Рейхстага Генрих фон Трейчке, бывший преподаватель университета Лейпцига. Аудиторию его представляли не только студенты, но и верхи берлинского общества: князья, генералы, высшие чиновники и дипломаты.

Фон Трейчке имел мощный дар ораторства, был способен пробуждать в зале бурный восторг или негодование, объясняя неурядицы судьбы немецкого народа на протяжении столетий. Когда Великобритания, Франция, Голландия или Испания боро-

лись за обладание заморскими колониями, немцы были погружены в религиозное и моральное созерцание, стремились к освобождению духа, к абсолютному идеалу. Но особенно налегал фон Трейчке на то, как Бог или Мировой Дух привели Германию к теперешнему могуществу под властью Пруссии. Пруссия одна оказалась способной сковать в одно могучее целое обломки империи Карла Великого.

Главной идеей Трейчке было: немецкая армия олицетворяет собой нацию, нация представляет собой армию. Трейчке вселял в заворожённых слушателей пламенную уверенность в величии Германии, в безграничных перспективах, открывающихся перед ней в будущем. Немцы — первый народ на земле. Славяне могут служить лишь навозом для удобрения германского культурного поля. Самое интересное, что сам фон Трейчке по национальности

был чехом — его предки переселились в Саксонию в эпоху Тридцатилетней войны.

Мировое господство немцев не должно было проявляться лишь в материальном плане. Разумеется, сила была необходима для его упрочения, но цели были духовного порядка. Согласно логике Трейчке, Германии было суждено восстановить творческую роль в области религии, от которой тевтонская раса отказалась в пятом веке нашей эры. «Тогда Германия исповедовала религию доблести, религию Одина, место которого заняли Иудея и Галилея с их мрачной, туманной религией самоуничтожения и приготовления к загробному миру. И в эпоху победы над Римом, в эпоху величия и героизма немецкий народ принял религию побеждённых язычниками римлян». Через века немецкий дух ответил Лютером и Реформацией, способствуя воскрешению языческой религии доблести. В XVIII веке немцы порвали с Римом. Веком спустя Иммануил Кант сказал, что немцы — не христиане, а догматическая религия — абсурд. Вечный мир — иллюзия, причём плохая.

Наряду с фон Трейчке, властителем немецких дум стал философ Фридрих Ницше. Он возвеличивал стихийную силу личности, доказывал лживость понятий о добре и зле, правде и неправде, и считал важным всё то, что поднимает жизненность. Идеалом Ницше была могучая воля индивида, Стремление к власти как единственный критерий добра и зла. Цель каждого настоящего немца — преодолеть самого себя во имя более высокого идеала — Сверхчеловека.

«Вы слышали, что было сказано, — блаженны кроткие, ибо они наследуют землю, а я вам говорю — блаженны храбрые, ибо они сделают землю своим престолом. И вы слышали людей, говоривших: блаженны нищие духом, а я вам говорю — блаженны великие духом и свободные умом. И вы слышали людей, говоривших: блаженны миротворцы, а я вам говорю — блаженны творящие войну, ибо они будут названы не детьми Иеговы, а детьми Одина, более великого, чем Иегова».

Создатель немецких Юберменша и Белокурой бестии, Ницше, был... также славянином: его предки, выходцы из Польши, носили фамилию Ницкие...

Подобные идеи господствовали в умах лучших представителей Германии второй половины девятнадцатого века. Но где было найти инструмент, способный вывести их на материальный план, превратить в реальность бытия?

Именно этим занимался генерал Бернгарди, ярый ницшеанец, пытавшийся конкретизировать учение своего кумира и показать, каким путём должен идти немецкий Сверхчеловек...

«Провидение предназначило германцам в удел стать господствующей силой в славянских землях, особенно в России, где, начиная с Петра III, во всех отраслях государственной службы утверждаются немцы. Два миллиона российских немцев поддержат свою

славу и свою старинную власть над государством с 80 млн. жителей. Разве где-нибудь даже формальное завоевание давало такие блестящие результаты?»

После издания во Втором рейхе закона о двойном гражданстве каждый немец, сколько бы лет он ни прожил вне фатерланда, считался немецким подданным и обязан был служить кайзеру верой и правдой...

«Наше внимание должно быть обращено на борьбу со славянством, этим нашим историческим врагом. Эта борьба необходима не только для обороны самой Германии, но и для спасения всей западноевропейской культуры от усиливающегося наплыва славян. Русские и поляки вовсе не являются носителями собственной национальной культуры... всеми культурными благами эти народы обязаны почти исключительно немцам, но ни в одной отрасли они не могли усвоить их внутренне или развить дальше самостоятельно».

Что-то на редкость знакомое!

2. Бесноватый кайзер

«Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских... Эти последние, даже если их расчленить международными трактатами, так же быстро вновь соединяются друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути. Это нерушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей», — так великий Отто фон Бисмарк думал о России, не любя её, но уважая...

Если при Вильгельме I всё это плохо или хорошо удерживалось в состоянии равновесия, то с его смертью оно нарушилось. Новому кайзеру, молодому и болезненно амбициозному Вильгельму II, политика Бисмарка казалась слишком ограниченной, старомодной, лишённой мирового размаха.

Задолго до войны личность сухорукого кайзера привлекала психиатров и психоаналитиков своей необузданностью, неестественными позами и безудержным красноречием, которое издавна считается признаком лабильной (неустойчивой) психики. Вильгельм явно страдал маниями величия и преследования, будучи непоколебимо уверен в своей божественной миссии, личной непогрешимости и праве Германии (а, значит, и своём) на всемирное господство.

На банкете в честь 25-летия основания Германской империи, 18 января 1896 г. по ст. ст., Вильгельм II выступил с пылкой речью: *«Вы, господа, обязаны помочь мне превратить нашу теперешнюю Германию во всемирный Германский Рейх! Величайшая Германия будет целью и делом XX века! Будучи империей безграничного этнического могущества, мы заполним центр Европы!»*

Четырьмя годами позже, провожая морских пехотинцев в Китай на подавление восстания ихэтуаней, кайзер выкрикивал с трибуны:

— Вы должны знать, мои солдаты, что встретитесь с хитрым, хорошо вооружённым, жестоким противником. Встретьтесь с ним и поразите его! Никакой пощады! Никаких пленных! Убивайте там, где они попадут вам в руки. Убивайте всех, без различия! Как тысячу лет назад гунны Аттилы прославили своё имя, которое теперь с ужасом передаётся в легендах и сказаниях, так и теперь пусть имя Германии гремит в истории столетия. *Делайте так, чтобы и по прошествии десяти веков ни один азиат не мог косо посмотреть на немца!*»

— Хайль! — ревели ряды «сверхлюдей»...

3. «Drang nach Osten!»

...От 35 млн. человек в 1800-м году население России возросло до 111 млн. в 1910-м году, а через несколько поколений подобными темпами должно было достичь трети миллиарда. Государственные доходы империи между 1900 и 1914 годами удвоились и достигли 3,5 миллиардов рублей. Реформа Столыпина, грандиозный экспорт сельскохозяйственной продукции делали Россию в скором будущем гегемоном Европы. Немецкие домохозяйки уже стояли в очередях за дешёвой и вкуснейшей русской говядиной и свининой, а отечественным мясом забрасывали полицейских... В 1913 году сибирская маслодельческая кооперация буквально вышибла с рынка молочных продуктов Данию. К 1914 году на каждую тысячу крестьянских детей школьного возраста приходилось свыше 700 грамотных — по этим темпам Россия опережала многие страны.

«Для спасения от славянского натиска» Германия с 1909-го года готовила план «Дольки апельсина» по отторжению от России западных окраин: Финляндии, Карелии, Литвы, Латвии, Эстонии, Белоруссии и Украины. С немецкой дотошностью высчитывалось, сколько гектаров земли будет освобождено от славян, «проживающих на огромных просторах, но не умеющих их окультивировать» (а чье же сало ели Гретхен?); сколько немцев смогут вместить окраинные русские губернии. Статистикам и проектантам рисовалось немецкое или онемеценное море чуть ли не до Березины...

Канцлер Бетмен-Гольвег, рассказывая об этом кайзеру, выразился просто и прямо: «Россия должна быть беспощадно подавлена!»

Ему ответил в меморандуме начальник генштаба, генерал фон Мольтке, племянник прославленного фельдмаршала: «*Чувство верности принадлежит к числу наиболее прекрасных черт германского характера. Единственный способ поднять на войну германских рабочих заключается в том, чтобы породить в них ужас перед нашествием славянских орд с востока.*»

Если Вильгельм призывал не брать живых пленников среди китайцев, которые Германии никогда не угрожали и угрожать не могли, то как же предстояло поступать со «славянскими ордами» во время намеченного «завоевания жизненного пространства»?!

Еще 8 ноября 1912 года кайзер говорил о необходимости **конечного решения** вопроса между немцами и славянами. «А в 1915 году, — пишет Никола Живкович, комментируя книгу Гельмута Вольфганга Канна «Немцы и русские», — 325 немецких профессоров подписали петицию своему правительству, в которой потребовали от него выдвинуть ультиматум: чтобы граница между Германией и Россией проходила по Волге!»

Постоянно наращивала обороты антирусская пропаганда. Генерал Брусилов стал свидетелем кощунственной и очень показательной акции. На его глазах жители немецкого города Киссингена построили точный макет Кремля, который был сожжён при бесновании толпы — языческий ритуал чёрной магии. «Перед нами, — вспоминал Брусилов, — было зрелище настоящего громадного пожара. Дым, чад, грохот и шум разрушающихся стен. Колокольни и кресты церквей наклонялись и валялись наземь». И ведь почти сработает ритуальчик в 1918-м году, когда немецкие офицеры будут корректировать красногвардейский огонь по Кремлю!

«Великая Германия будет возможна лишь после окончательного уничтожения России, — говорилось в книге «Германия в начале XX столетия», весьма в те годы популярной среди желавших стать «сверхлюдьми». — Когда немецкие армии расположатся победоносным лагерем от Молдавии до Адриатического моря, станет возможным... удалить не немецкие народности... сравнять таким образом почву, а затем приступить к немецкой колонизации».

«В древности совершенно уничтожали побеждённые народы; теперь это сделать физически невозможно, но можно выдумать условия, которые очень приблизятся к полнейшему уничтожению».

4. Национал-социализм

При «бесноватом кайзере» Второй рейх стремительно становился... социалистическим государством: социалисты заняли в Рейхстаге все, какие только можно было занять, посты: в муниципальных советах, в судах по разбору трудовых споров, в различных социальных фондах и пр. Выражаясь словами современного немецкого ученого Ф. А. Хайека, государство подверглось процессу социализации, а социал-демократия национализировалась.

«Теоретик немецкого духа», официозный учёный, профессор Иоганн Пленге в своей книге «1789 и 1914: символические годы в истории политической мысли» рассматривал конфликт между идеей свободы — французской революцией — и 1914 годом — идеалом организации германского общества. Организация, кумир немцев, была для Пленге сутью социализма, но не по Марксу. Если идеей Маркса была абстрактная идея свободного общества, то идеей немецкого социализма была организация народа. Третья великая эпоха в новейшей мировой истории — титаническая борьба Германии за победу новых, порождённых двадцатым веком сил — социализма и организации немецкого народа.

«Чем бы ни кончилась война — мы — народ-об-разец. Немецким идеям предстоит определить ход жизни человечества,» — учил Плэнге. В социалистическом журнале «Die Glocke» он добавлял: *«Критически важным для социализма является следующая проблема: какой народ в первую очередь призван властвовать, ибо является примером и лидером в деле организации народов?»*

«Социалистически организовавший» общество Второй рейх в 1914 году создал милитаризованную экономику. «Это — первое реальное воплощение социалистического общества, и дух её — первое действительное проявление духа социализма, — продолжал Ф. А. Хайек в своей книге «Дорога к рабству». — Военные нужды упрочили социалистическую идею в немецкой экономике, и, таким образом, оборона страны подарила человечеству идею немецкой организации, народной общности Volksgemeinschaft — *национального социализма*».

5. Блицкриг

С 1891 по 1906 годы начальником германского генштаба был граф Шлиффен, фанатично преданный своему делу профессионал. Он создал план «блицкрига» — «молниеносной войны», позволяющий Германии избежать войны на два фронта против союзников по Антанте, войны на истощение, и оттого губительной для Германии.

Французская восточная граница была хорошо укреплена, и, прорывая её, немецкая армия теряла драгоценное время, позволяющее русским, французам и англичанам отоблизниться. Поэтому вторжение во Францию планировалось через гораздо более слабую Бельгию, сверхмощным кулаком из 25 корпусов, прикрываемых с фланга группами войск из 8 и 11 корпусов соответственно. «Пробив» Бельгию, немцы обходили французскую оборонительную линию с фланга, штурмовали Париж и разворачивались в юго-восточном направлении, чтобы уничтожить основные французские силы в районе Эльзаса. «Молниеносная война» на Западе должна была завершиться через 40 дней, после чего немцы соединялись с армией Австро-Венгрии и сообщали на Россию.

План Шлиффена был негибок, напоминал замысел Пфуля из «Войны и мира» и мог потерпеть неудачу, если бы французы первыми вошли в Бельгию, достигнув вместе с бельгийцами оборонительной линии Намюр-Антверпен, где задержали бы немцев.

Германская сухопутная армия насчитывала миллион четыреста тысяч солдат и офицеров и 5700 артиллерийских орудий. Австрийцы выставили миллион восьмьсот семьдесят две тысячи солдат и офицеров и 1226 орудий.

Русская кадровая армия в 1914 году насчитывала миллион триста тысяч человек — 1830 батальонов, 1250 эскадронов и сотен, 6720 орудий, имела 244 самолёта — второй по численности воздушный флот в Европе. Мобилизация могла дать более трёх миллионов резервистов. В армиях Антанты она

имела наибольший удельный вес, но слабость русской железнодорожной сети и медленность мобилизации сводили почти на нет этот ценный вклад — на каждый метр российского железнодорожного полотна (в расчёте на квадратный километр территории) Германия имела десять метров. Да и русские расстояния несколько отличались от западноевропейских. Войскам Сибирского корпуса пришлось добираться до фронта 23 дня...

Отставали наши от немцев и в техническом оснащении войск, особенно в тяжёлой артиллерии (60 батарей против 381 немецкой). Ниже русской армии в техническом отношении стояли лишь австрийцы. На один оборонный завод в России приходилось сто пятьдесят британских.

Русский солдат носил серую шинель, летом сворачиваемую в скатку через плечо, коричнево-зелёную гимнастёрку, перехваченную широким ремнём, и кожаные сапоги. Дневной рацион составлял 4 тысячи калорий: ржаной хлеб, щи, каша, чай и огромное, по западным понятиям, количество сахара. Трёхлинейная винтовка системы Мосина делила с немецким «маузером» первое место в мире по боевым характеристикам.

Между 1900-м и 1914-м годами две трети русского офицерства (от подпоручика до полковника) были либо крестьянского, либо разночинного происхождения, крестьянами и разночинцами были, соответственно, 23% и 20% юнкеров. Много аристократов было лишь в кавалерии.

В русской царской армии царили интернационализм и дружба между народами: из 16 командармов 1914 года семеро носили немецкие фамилии, семеро — польские, один — голландскую, один был болгарин. Стал русским кавалерийским генералом и хан Нахичевани.

После смерти графа Шлиффена германский генштаб возглавил Мольтке-младший. Получив данные об ускорении русской мобилизации, он принял решение усилить группировку на будущем Восточном фронте, сняв три корпуса с французского направления.

Немецкий солдат был одет в полевую форму «фельдграу», нёс выкладку в 26 килограммов — винтовка системы Маузера, 120 патронов в трёх сумках, ручные гранаты, ранец, сапёрная лопата, котелок, тесак, сухой паёк (банка мясных консервов, три пачки кофе, соль, галеты и сушёная зелень), индивидуальный пакет и фляга со шнапсом. Чужую землю готовы были топтать короткие сапоги с подковами и широкими голенищами. Голову хранил от пуль и осколков глубокий, чуть угловатый шлем (иногда на нём красовались небольшие «варяжские» рожки). Серо-зелёный, цвета полыни, мундир затягивался ремнём телячьей кожи, надранная бляха которого горела надписью «GOTT MIT UNS!» — «С НАМИ БОГ!». Это был девиз именно воинства Вильгельма...

«Кругом враги! — истерично взывал кайзер в своём обращении к армии и флоту 6 августа 1914 го-

да. — Я надеюсь, что старый воинственный дух ещё жив в немецком народе, тот могучий, воинственный дух, который нападает на врага всюду, где он его находит, который всегда был страхом и ужасом врагов... Я надеюсь на вас, немецкие солдаты!»

6. Вставай, страна огромная!

Император Николай II был настроен решительно.

«Главное, господа, — уничтожение германского милитаризма, конец того кошмара, в котором Германия держит нас уже более сорока лет. Нужно отнять у немецких правителей всякую возможность реванша. Если мы дадим себя разжалобить, через некоторое время будет новая война!».

В 1914 году Царская Россия схватилась не на жизнь, а на смерть с полчищами НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТСКОГО ВТОРОГО РЕЙХА, одержимого неоязыческой идеологией расового превосходства. Сразилась за то, чтобы славяне не стали людьми второго сорта, навозом для немецкого культурного поля, постепенно подвергаемым «полнейшему уничтожению», чтобы граница с Германией не проходила по Волге.

Как вы назовёте эту войну?

...Будто по команде кайзера или фон Мольтке, 12 июля «сознательные пролетарии» пробрались в Румянцевскую рощу за Московской заставой по линии Варшавской железной дороги и облили керосином кусты на протяжении версты, что вызвало лесной пожар и огромные убытки.

На окраинах столицы, особенно на Обводном канале, за Нарвской заставой и на Чёрной речке были разбиты все газовые фонари и окна магазинов. Телефонное и телеграфное сообщение было разорвано, и возобновлять его пришлось под охраной войск. После поджога электростанции по всему Петербургу на два часа встали трамваи.

Через два месяца, в статье «Война и российская социал-демократия», Ульянов-Ленин станет утверждать: «Ни перед какими жертвами не останавливался российский пролетариат, чтобы освободить всё человечество от позора царской монархии».

Особенно, видимо, обливая рощи керосином.

20 июля, по окончании молебствия в Зимнем, пред чудотворной Владимирской иконой Божией Матери, спасшей Русь от нашествия Ленг-Теймура в 1395 году, Император обратился к присутствующим — генералитету, офицерам гвардии и округа, представителям столичных властей:

«Со спокойствием и достоинством встретила наша великая Матушка-Русь известие об объявлении нам войны. Убеждён, что с таким же чувством спокойствия мы доведём войну, какая бы она ни была, до конца.

Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдёт с земли нашей!

И к вам, собранным здесь представителям дорогих Мне войск гвардии и Петербургского военного

округа, и в вашем лице обращаюсь ко всей единой, единодушной, крепкой, как стена гранитная, армии Моей, и благословляю её на труд ратный».

...Александровская колонна возвышалась над человеческим морем, десятки тысяч петербуржцев заняли площадь, балконы, окна, крыши... Народ собирался с часу дня, зная, что во дворец приедет Государь.

Внизу, у стен дворца, шелестели трёхцветные флаги, раздавались приветственные клики, когда мимо проезжали офицеры.

Двери большого балкона Зимнего были широко открыты, за ними чудилась некая мистическая, божественная глубина...

Вот зазвонили колокола Исаакиевского собора и, вторя им, загрели пушечные выстрелы... Толпа ответила бурей восторга. Ещё выстрел, ещё — и всё сильнее клики народа...

И, когда смолкли орудия, на балконе показался Царь, за ним — Государыня...

Будто ураган разразился на Дворцовой площади: казалось, уже не люди кричали, а гремели и звенели воздух, небо, брусчатка... Государь наклонил голову, чтя народное ликование, и в тот же миг десятки тысяч человек опустились на колени, и над ними был один Император под золотым стягом с белым Георгием на груди державного орла...

В этом людском море рядом с генералом и чиновником стоял рабочий, тот самый «сознательный товарищ», который ещё вчера, поверивший мерзавцам, шёл с кровавым флагом, призывая сатану: «Вставай, проклятем заклеимённый»... и который сейчас, обнажив голову, с восхищённым взором светлых русских глаз, пел «Всё ж недостойное Прочь отжени...»

Студенты университетов, известные своей вечной оппозиционностью, шли добровольцами в армию. Мой двоюродный дед, Николай Пашков, сбежал в те дни на фронт из гимназии (и стал прапорщиком и Георгиевским кавалером!). Подобные случаи не были редкостью.

Добровольцами ушли на фронт А.И. Куприн, Н.С. Гумилев, В.В. Вересаев, будущий советский писатель Всеволод Вишневский. Даже ссыльные революционеры подавали об этом прошения местным властям. Так поступил будущий участник Гражданской войны Ян Фабрициус, отбывавший ссылку на Сахалине. Рвался на фронт и Владимир Маяковский, но был забракован из-за неблагонадёжности.

7. Всё для фронта, всё для победы!

Этот лозунг возник именно тогда... На средства Императорской Семьи был создан солдатский госпиталь имени Наследника Цесаревича Алексея на 200 мест; другой такой же, сформированный Георгиевской общиной, приняла на свои средства вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, мать Императора Николая II. Принцесса Елена Альтенбургская, герцогиня Саксонская, отдала рус-

скому Красному Кресту помещения Большого дворца в Ораниенбауме для госпиталя на 200 мест, в Кавалерском доме — на 100 и в школьной даче — на 40. Графиня Е. В. Шувалова на свои средства организовала походный фронтовой лазарет петербургской Александровской общины. Барон Унгерн-Штернберг предоставил Красному Кресту свой родовой замок для устройства в нём лазарета на 30 кроватей.

Герцог Мекленбург-Саксонский пожертвовал на оборону сто тысяч пятьсот рублей. Польский магнат, граф Собаньский, дал на русский Красный Крест сто тысяч, фирмы «Нобель» и «Мазут» — две цистерны бензина. Отец и сын Харины пожертвовали сорок тысяч на устройство мастерских для восстановления трудоспособности увечных воинов и открыли при нем общежитие на тридцать инвалидов. Фирма «Зингер» пожертвовала четверть миллиона в фонд выдачи пособий семьям фронтовиков и предоставила Красному Кресту две тысячи своих швейных машин. По инициативе члена Госсовета Зубчанинова возникла мощная благотворительная организация «Северопомощь», устроившая 72 больницы и 73 амбулатории, кормившая сухими пайками 2900 прифронтовых селений. Петербургская еврейская община внесла сто тысяч на двухсотместный госпиталь. Эмир Бухарский предложил петербургской городской управе отдать под лазарет часть своего дворца на Каменноостровском.

Графиня Браницкая учредила два госпиталя в помещениях принадлежавших ей сахарных заводов и госпиталь в Белой Церкви. По инициативе Императрицы семьям фронтовиков было перечислено полмиллиона рублей. Иркутские и бурятские купцы на собственные средства содержали санитарный поезд Красного Креста, который в течение года работал на фронтах.

Туркмены пожертвовали на оборону сто тысяч рублей, столько же — общество по продаже металлургических изделий русских заводов. Крестьяне Чигиринского уезда учредили патронат для увечных воинов и выстроили для него здание стоимостью в семьдесят тысяч.

С 23 июля в залах Зимнего дворца, на 7-й запасной половине открылся склад Её Императорского Величества для снабжения бельём, пищевыми продуктами и медикаментами санитарных поездов и полевых лазаретов в районах боевых действий.

С первого дня войны безвозмездную помощь фронту и семьям фронтовиков оказывали 45 русских дворянских обществ. За первые три месяца войны они пожертвовали на армию 873 тысячи рублей, за 10 месяцев — миллион восемьсот тысяч. Только граф В. И. Дмитриев-Мамонтов устроил в столице приют для солдат-инвалидов с сапожной мастерской и школой садоводства и огородничества, истратив 160 тысяч рублей собственных денег.

В Вятке купец Бульчёв пожертвовал лучшее в городе здание для создания Дома инвалидов и сирот войны и отпустил еще двести тысяч на его содержание.

Сёстрами милосердия стали, покинув светскую жизнь, великая княгиня Ольга Александровна Романова, руководившая большим госпиталем в Ровно, княгиня М. А. Гагарина, княгиня П. В. Голицына, фрейлина Императрицы графиня Е. В. Игнатьева, фрейлина П. А. Казем-Бек, графиня С. А. Толстая, баронесса О. М. Врангель и многие, многие другие.

Императрица Александра Фёдоровна, желая показать личный пример помощи русской армии, вместе с двумя старшими дочерьми, Великими Княжнами Ольгой и Татьяной, стала сестрой милосердия, окончив курсы при общине Красного Креста. Екатерининский дворец в Царском Селе был превращён в образцовый для того времени военный госпиталь, одним из санитаров которого был молодой Сергей Есенин, а к концу 1914 года усилиями Государыни только в одной столице действовало 45 госпиталей. Если Она дежурила у постели больного Цесаревича, то благотворительными делами в столице занимался Её чиновник по особым поручениям, граф Апраксин.

Императрица вставала в 7 часов утра к заутрене, к 9 часам, вместе с Дочерьми, приезжала в госпиталь. Как операционная сестра, Она ассистировала хирургам, уносила ампутированные части тел, обрабатывала гнойные раны, не боясь ничего. Безнадёжные раненые пытались коснуться Её искалеченными, забинтованными руками, и плакали, когда самодержица всероссийская молилась возле них, встав на колени. «Матушка, Государыня, — просили солдаты, — постойте возле меня... Дайте рученьку... легче помирать будет...»

Государь с самого начала боевых действий совершал инспекционные поездки на фронт, посещая не только Ставку в Барановичах, но и части на передовой и в оперативных тылах. Он лично осматривал окопы, форты, полевые госпитали и перевязочные пункты, заводы и фабрики, работавшие на оборону в разных частях империи. Инспектируя Карс, Саракамыш и форпост Кавказской армии, Меджингерт на турецкой границе, Император проделал нелегкий путь в автоколонне по горным серпантинам.

Жители Москвы пожертвовали с начала войны 11 миллионов рублей на нужды армии и устроили около двадцати тысяч лазаретов для раненых. От московского дворянства, буржуазии, рабочих, духовенства, крестьян и даже приютских сирот на оборону пришло пожертвований более чем на 724 тысячи рублей, не считая драгоценностей — в одном лишь сентябре четырнадцатого года!

Комиссия при биржевом и купеческом обществе учредила сеть солдатских госпиталей на четыре тысячи мест. Баронесса Е. М. Розен купила под солдатский госпиталь большую квартиру на Преображенской улице, в доме номер 8.

Царская дочь, Великая Княжна Анастасия, оборудовала на свои средства санитарный поезд из 12 вагонов, рассчитанный на 360 раненых, а также поезд № 61, укомплектованный отделом склада Государыни Императрицы, из 9 вагонов и 2 платформ, с четырьмя санитарными автомобилями, общей вместимостью 600 человек.

Троице-Сергиева лавра пожертвовала в комитет Вел. Княгини Елизаветы Федоровны 100 тысяч рублей.

На петербургском Варшавском вокзале 5 октября был освящён распределительный пункт для раненых, созданный советом горнопромышленников Урала, — десять барakov с перевязочными могли вместить до двух тысяч солдат. К пункту были проложены рельсы для санитарных поездов.

Вся занятая русскими Восточная Пруссия была покрыта сетью отрядов Красного Креста, созданных на народные пожертвования. Помимо лазаретов и поездов, русская армия имела отряды санитарных аэропланов, подбиравших раненых прямо на поле боя и эвакуировавших в отдалённые медпункты. На фронте, в полевых госпиталях, зачастую под обстрелом врага, выполняли свой долг сёстры Давгер, героини ещё японской кампании, упомянутая выше баронесса Врангель, графиня Беннигсен.

За первые полгода войны русские дворяне жертвовали на оборону России миллион пятьсот тысяч рублей. Общедворянская организация графа П. С. Шереметева содержала Саратовский военный госпиталь, снабдила персоналом и оборудовала на свои средства 21 военный санитарный эшелон и один врачебно-питательный передовой отряд. Их так и звали — Дворянские поезда!

По распоряжению Царя был учреждён Комитет имени Цесаревича Алексея по призрению солдатских детей-сирот. Каждому из детей нижних чинов, убитых, пропавших без вести или умерших от ран, выдавалось пособие до достижения ими 16-летнего возраста: живущим в сельской местности — 24 рубля в год, в небольших городах — от 24 до 30 рублей, в больших городах — от 30 до 42 рублей. Крупным сиротам полагалась помощь в размере от 33 рублей 60 коп. до 58 рублей 80 коп. на каждого в год. Детям солдат, поступавшим в начальную

школу, одновременно выдавалось 15 рублей на приобретение тёплой одежды, обуви и учебных принадлежностей. В некоторых случаях эти деньги выдавались дважды.

В России времён Николая Второго семьи солдат, сдавшихся в плен добровольно, без применения оружия, либо дезертировавших, лишали продовольственного пособия, причём лишь со следующего месяца. Всего-то репрессий...

Это была Великая Отечественная война. Оклеветанная и ошельмованная.

Ни одного штрафбата. Ни одной солдатской, офицерской, генеральской семьи, арестованной за измену их ушедшего на фронт родственника. Нигде в занятых провинциях Империи немцев не встречали хлебом-солью. Ни одного русского полицая и карателя не было на оккупированных территориях. Ни одного легиона из прибалтов. Нигде население Империи не уходило на Запад вместе с врагом. Ни один русский воин не взял оружие врага, чтобы в рядах немецкой армии сражаться против, как нас уверяли, «проклятого самодержавия»...

И до Волги не отступали.

Использованные источники:

Нотович Ф. И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. — М.: Госполитиздат, 1947.

Хайек Ф. А. Дорога к рабству //Новый мир, 1991. — № 7–8.

Бекман Вальтер. Немцы о русской армии. — Прага, 1939.

Война 1914–1915 гг. Учреждения, вызванные событиями военного времени. — Петроград, 1915.

Газеты «Новое Время», «Русское слово», «Московские Ведомости», «Санкт-Петербургские Ведомости» за 1914 год.

Ольга Ожгибесова

Тобольская эпопея

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ В СИБИРИ

Когда я приезжаю в Тобольск — в старый Тобольск, у меня возникает стойкое ощущение, что он, подобно Риму, подвергся нападению варваров — жестокому, беспощадному, разрушительному. Как будто дикое племя, равнодушное к чужим святыням, прошло по узким улочкам города, сметая всё, что веками стояло на этой земле. Как будто мстили ему — за горделивую и негибаемую под натиском времени и врага стать, за то, что купола и колокольни храмов и церквей, обезображенные, но не утратившие своего величия, по-прежнему тянутся к небу, касаясь тяжёлых северных облаков верхушками надломленных, но не поверженных крестов.

Тобольская эпопея — это ещё одна малоизвестная страница в истории крестьянского восстания 1921 года. Одна из самых позорных страниц советской власти в Сибири. История трусости, лицемерия и предательства.

Тобольск — второй по значению город в Тюменской губернии, первая, духовная, как ещё её называют, столица Сибири, город русской славы, навсегда связанный с именем Ермака и присоединением к России. Волею судьбы он стал первым городом, который был взят повстанцами. Хотя... Слово «взят» не самое удачное. Тобольск был сдан — без единого выстрела.

Чтобы понять, как такое могло случиться, нужно представлять себе географическое расположение города. Транссибирская железнодорожная магистраль, соединившая в начале XX века между собой все крупнейшие сибирские города, такие, как Тюмень, Омск, Ново-Николаевск (Новосибирск) и другие, обошла Тобольск, который лежит гораздо севернее. До поры до времени, а точнее — до 1969 года, когда было открыто железнодорожное сообщение Тюмень — Тобольск, добраться сюда можно было двумя путями: по воде (Тура — Тобол — Иртыш, — и вот она, деревянная пристань в подгорной части города, с которой открывается замечательный вид на Тобольский кремль. Она и сейчас, на мой взгляд, мало чем отличается от той, что стояла здесь сто лет назад, — такая же древняя, как и сам город). И ещё один путь — по Тобольскому тракту, тому самому, по которому везли до Екатеринбурга Николая II и его супругу. Именно эту дорогу и перерезали в феврале 1921 года отряды повстанцев, осадив Тобольск так, что пробиться к нему со стороны Тюмени не было никакой возможности. Да, скорее всего, не хватало сил: в Ишимском и Ялуторовском уездах шли бои, которые требовали присутствия на этих участках значительного количества войск Красной армии.

Отрезанные от основных частей отряды Тобольского боевого участка оказались под угрозой уничтожения. Начальник участка Мурин и военком Семаков, член президиума Тюменского губкома РКП(б), шлют в центр — в Омск, где находятся главные силы и главное командование советских войск в Сибири, одну радиограмму за другой. И в каждой — SOS! SOS! SOS!

18 февраля. «Тобольский уезд объят восстанием... Небольшие отряды красноармейцев гибнут, как мухи... Отбиться у нас мало шансов... Помощи ждать неоткуда...»

Помглавкома по Сибири В. И. Шорин, которому адресована радиограмма, молчит.

20 февраля. «...Положение час от часу становится катастрофичнее... Нам нужно бы держаться, да нечем... Наши отряды почти окружены. 500 коммунистов погибнут ни за грош. Во имя спасения советской власти в губернии и на всем севере необходимо дать помощь. Расстрел всех неизбежен».

Омск молчит. А Тюмень ничем не может помочь...

Советские и партийные руководители в Тобольске не собираются оборонять город. Во-первых, нечем. Гарнизон города насчитывает чуть больше ста человек. Правда, на казарменное положение переводят коммунистов, а это ещё 560 человек, но что сможет сделать такая горстка людей против пяти тысячной армии повстанцев... Во-вторых, нечем — в городе нет такого количества оружия, с которым можно было бы продержаться достаточно долго. А повстанцы способны вести многочасовые бои — как регулярная армия.

Более того, в первые дни восстания в Тобольске был создан секретный штаб для борьбы с мятежниками, но губернские власти распустили его, поручив организацию обороны города военкому Тобольского уезда Хрусталёву. Он не сделал для этого ровным счетом ничего, предпочитая следить за развитием событий из-за городских стен. Зато в Омск ушел рапорт: «Принимаем самые энергичные меры к охране Тобольска». Какие меры? 19 февраля город со стороны Тюмени был окончательно блокирован. Рабочие тобольских предприятий собрались у стен уездного исполкома, требуя раздать им имеющееся в гарнизоне оружие, — они готовы были защищаться. Но руководство решило сдать столицу без единого выстрела. К рабочим никто не вышел.

Забегая вперед, скажу, что, покидая город, его руководители «забыли» сообщить об этом восьмидесяти бойцам гарнизона, охранявшим наиболее важные объекты! Их просто бросили на произвол судьбы, а точнее, оставили на верную гибель.

Да, можно было бы рассуждать о целесообразности сопротивления, точнее, нецелесообразности, о том, что любая попытка дать бой превосходящим силам противника была заранее обречена на провал, что это было бы самоубийством... Все так, но... В это время на Тобольском фронте, который проходил всего лишь в нескольких десятках километрах от города, стараясь удержать продвижение повстанцев и понимая тщетность своих усилий и безнадежность положения, потому что помощи ждать неоткуда, каждый день гибли красноармейцы. За правое дело сражались они или нет — не в этом суть. Они до конца выполнили свой воинский долг. И в это же самое время крестьяне тоже бились до последнего — за свои сёла, за свои дома, за свою землю, за свою — крестьянскую! — правду. И так же умирали, до конца выполнив долг перед собственной совестью. А горстка коммунистов и партработников, взявшая на себя в 1917 году ответственность за судьбу народа, сейчас от этой самой ответственности отказалась — добровольно! — и позорно бежала, оставив врагу беззащитный город.

В небольшой книжечке «Тобольск», изданной в 1975 году доктором исторических наук Д. И. Копыловым и кандидатом исторических наук Ю. П. Прибыльским, написано буквально следующее: «...партийные и советские работники 21 февраля в боевом порядке отступили на Тару». Отступали так «организованно» и в таком «боевом поряд-

ке», что руководители уездно-городского комитета РКП(б), по словам новосибирского историка В. И. Шишкина, оставили все списки членов партии, а политбюро — анкеты сотрудников и следственные дела. А заодно городскую казну, в которой было 80 млн. рублей. Если бы партийные документы попали в руки повстанцев, за жизнь коммунистов никто не дал бы и ломаного гроша. Но, волею случая, а, может быть, судьбы, списки и анкеты нашёл и спрятал Алексей Евгеньевич Коряков, человек, взявший на себя бремя ответственности за город и, по сути, спасший его от разграбления, а многие десятки и даже сотни его жителей от гибели.

А события в Тобольске тем временем разворачивались следующим образом. 20 февраля председатель тобольского уездного исполкома Демьянов вызвал к себе руководителя тобольского бюро профсоюзов — А. Е. Корякова, члена партии эсеров с 1903 года. Он поставил его в известность о том, что советская власть покидает город, и передал ему все полномочия по организации городского управления. Для защиты от повстанцев выдал... четыре дробовика, и к ним восемь патронов. Хватило бы разве только для того, чтобы застрелиться...

Для Корякова свалившаяся на него ответственность стала большой неожиданностью. Но надо отдать ему должное: в отличие от своих политических оппонентов, Алексей Евгеньевич не растерялся. Собрав руководителей профсоюзных организаций, он оповестил их о создавшемся положении и распределил между ними городские объекты, подлежащие охране, в том числе продовольственные склады.

***Выписка из протокола объединённого собрания профсоюзных организаций Тобольска.
21 февраля 1921 года***

«Принимая во внимание, что за оставлением Тобольска исполкомом и парткомом город фактически остался без власти, объединённое собрание единогласно решило всю полноту власти передать профсоюзам...»

Заметим: не партии социал-революционеров, к которой по-прежнему принадлежал Коряков, а организациям, представлявшим интересы трудящихся города. По сути, это был орган народного самоуправления.

О том, чтобы оказать сопротивление повстанцам, нечего было и думать — с четырьмя-то дробовиками! Нужно было озадачиться тем, чтобы сохранить порядок и не допустить напрасных жертв. И эта цель, кстати, была достигнута: во время пребывания в Тобольске повстанцев не было бесчинств, грабежей и расстрелов, а всё имущество и материальные ценности красные, по возвращении в город, получили в целостности и сохранности. А их было немало...

22 февраля, то есть спустя сутки после поспешного бегства партийных и советских работников, в Тобольск вошла повстанческая армия под командованием Василия Желтовского.

Тюменский писатель К. Логунов в книге «Двадцать первый» приводит свидетельства очевидцев взятия Тобольска: «В город ворвалась огромная толпа крестьян, вооружённых вилами, пиками и просто палками. Вместо пулемётов использовали трещотки. Палили в воздух из дробовиков и орали...»

Василию Максимовичу Желтовскому не исполнилось еще и двадцати шести. Он родился в селе Желтовском Кугаевской волости Тобольского уезда. Участник Первой мировой войны, дослужился до фельдфебеля. После демобилизации был делопроизводителем военкомата Кугаевской волости. По некоторым данным, также принадлежал к партии и эсеров. Может быть, и так. Может быть, потому Корякову и удалось найти с командующим, а теперь начальником Тобольского гарнизона общий язык.

А неподалеку от Тобольска, в Вагайской волости, в районе деревень Чёрное — Тукуз — Уват, всё бьётся из последних сил с повстанцами попавший в окружение отряд красноармейцев Тобольского боевого участка под командованием Мурина и военкома Семакова: «Банды усиливаются и усиливаются... В бою участвовало 400 человек, вооружённых трёхлинейками и пулемётом. Раньше мы и сами не придавали движению серьёзного движения. Категорически настаиваем дать наивозможно скорейшую помощь, иначе мы погибнем...»

Такая телеграмма ушла в Омск помглавному по Сибири В. И. Шорину, копии — в Сиббюро РКП(б), Тюменскому губкому партии и командующему войсками Приуралья военного округа С. В. Мрачковскому. Но помощи по-прежнему нет.

Поневолу вспоминается сказка Аркадия Гайдара: «День проходит, два проходит... Нет, не видать еще Красной Армии. Залезет Мальчиш на крышу... Нет, не видать... “Эй, вставайте! — крикнул всадник. — Было полбеда, а теперь кругом беда! ...В поле пули тучами, по отрядам снаряды тысячами. Эй, вставайте, давайте подмогу!”... Но не видать Красной Армии». Нет ей дела до вмерзающих в снега Заболотья, гибнущих под пулями повстанцев братьев своих — красноармейцев...

Между прочим, на совести отряда Мурина и Семакова — десятки крестьян, убитых у храма в деревне Чёрная, с рассказа о которых мы начали повествование о событиях 21-го года...

Военно-городской совет, созданный руководителями профсоюзов, просуществовал в Тобольске шесть дней. Уже 26 февраля на свет появился выборный орган самоуправления — крестьянско-городской совет, в который вошли представители всех волостей Тобольского уезда, находившихся в зоне действия повстанческих армий, и, разумеется, городские депутаты. Можно считать, что в древней столице Сибири было создано первое настоящему народное правительство.

Кстати говоря, Тобольск был не единственным городом, оставленным советскими войсками безо

всякого сопротивления. Примерно то же самое произошло в Кокчетаве. Коммунисты спасались бегством, бросая жителей на произвол судьбы. «Царила самая гнуснейшая и позорная паника...» — свидетельствовали очевидцы. «Гарнизон в 400 штыков... состоял из всякого сброда... — писал в Омск председатель кокчетавской революционной тройки Т. Ф. Розенбах. — Вся эта публика при первых выстрелах побежала без оглядки. Нельзя передать на словах весь тот кошмар, который пришлось пережить в Кокчетаве. Помнится минута, когда под первыми выстрелами мы видели из окна штаба, что все в панике понеслись из города; тов. Воронов (командующий войсками), измученный вместе со мной бессонными ночами, не выдержал и зарыдал. ...Всю трусость этой мерзости нельзя передать без чувства противности. ...Для меня, конечно, понятна неизбежность волны крестьянских восстаний в Сибири». (Забегая вперёд, добавлю: Розенбах и Воронов, разумеется, были признаны виновными в сдаче Кокчетавы и приговорены к высшей мере наказания... — О. О.)

Три дня Кокчетав был предоставлен самому себе. Полнейшее безвластие привело к тому, что в городе начались повальные грабежи. И только с появлением «бандитов» порядок в городе был восстановлен. Между прочим, несмотря на многочисленные аресты, повстанцы никого не расстреливали. Город, хотя и был сдан на милость победителя, но победитель понимал, что это — не вражеский город, и нельзя обходиться с гражданами своего государства как с военнопленными, и тем более врагами. И в этом чаще всего было отличие повстанцев от красноармейцев. Воевать с народом — не с коммунистами! — они не хотели.

Не было расстрелов и в Тобольске. Когда спустя полтора месяца в город вошла Красная Армия, из тюрьмы было освобождено 250 коммунистов и красноармейцев. Их «спасение» преподнесли как величайший успех военной операции: мол, наступление было таким стремительным, что бандиты не успели расстрелять арестованных. Но в действительности повстанцы имели достаточно времени для расправы — 45 дней. Срок немалый. Те же коммунисты, покидая Тобольск, не забыли расстрелять 16-летнего подростка, обвинённого в создании контрреволюционной организации... Причем аж за пять дней до сдачи города. Но это отдельная история, о ней — чуть позже.

Для спасения коммунистов немало сделали А. Е. Коряков и его соратники: они убедили Желтовского в том, что расстрелы могут восстановить жителей против новой власти, дискредитировать её в глазах тоболяков.

Падение Тобольска имело невероятные по своим масштабам и трагичности последствия. Дорога на север — Сургут, Самарово (Ханты-Мансийск), Берёзово и Обдорск (Салехард) оказалась открытой для повстанческих армий. И они не преминули этим воспользоваться.

Сводка Тобольского главного штаба Народной повстанческой армии. 8 марта 1921 года

«Нашими частями занято село Самаровское. Противник боя не принял и в панике бежал, оставляя по дороге своих людей, бросая оружие... Из Самарово при отступлении взяты заложники в числе 15 человек, которые были убиты около села Троицкое, трупы разрублены и брошены в прорубь...»

В результате три северных уезда — Тобольский, Сургутский и Берёзовский, а также часть Ямала, вплоть до Обдорска, были отрезаны от Советской России.

«Дальнейшее промедление очищения Тобольска и всего Севера, — говорилось на заседании коллегии Тюменской Губчека, — лишает советскую Россию пушнины и рыбы, задерживает ремонт речного транспорта, парализуя судоходство по Оби и Иртышу, обрекая самоедов-остяков на голодную смерть...»

Беспокоило и другое: если в конце февраля в южных уездах Тюменской губернии крестьяне уже были измотаны бесконечными боями и вооружёнными стычками с красноармейцами и восстание потихоньку начинало затухать, то на севере, не встречая практически никакого сопротивления, повстанцы продвигались всё дальше и дальше, угрожая создать отдельный — Северный — фронт, и через Обдорск и бухту Находка получить поддержку из-за границы. Одна мысль об этом приводила советское руководство в Тюмени в ужас. Но справиться своими силами оно уже не могло, а высшее военное командование Сибири как будто специально затягивало решение вопроса о подкреплении, не обращая внимания на призывы о помощи.

Телеграмма председателя Тюменского губисполкома А. С. Новоселова председателю Сибревкома И. Н. Смирнову. 9 марта 1921 г.

«Весь Север предоставлен самому себе. После падения Тобольска Обдорск и Берёзов совершенно отрезаны. и находящаяся там горсточка коммунистов... обречена на гибель...»

Омск молчит.

Вернёмся к Тобольску. Новая форма народной власти — Крестьянско-городской совет — просуществовала 38 дней. Всего же повстанцы удерживали город 45 дней, а Тобольский тракт — почти два месяца! И всё же Красной Армии удалось прорвать фронт в районе Покровки, несмотря на созданные там настоящие оборонительные сооружения. Дорога была даже перекрыта с помощью колючей проволоки! Вечером 7 апреля части 343-го полка, соединившись с многострадальным тобольско-тарским отрядом, тем самым, в течение полутора месяцев сражавшимся в окрестностях Вагая и потерявшим в одном из боев тобольского военкома Семакова, именем которого позже назвали улицы в Тюмени и Тобольске, с боем заняли северный пригород последнего, в течение ночи окружали город и утром

8 апреля ворвались в него, что называется, на плечах противника, захватив многочисленных пленных. Василий Желтовский с отрядом сумел вырваться из окружения, отступил на север, где и погиб в бою под Самарово в мае 1921 года.

Алексей Коряков и его команда остались в Тобольске.

А вот теперь ещё раз о лицемерии большевиков. После восстановления советской власти бывший председатель тобольского уездного исполкома Демьянов, бывший военком Хрусталёв и другие партийные руководители предстали перед судом — за то, что сдали город без сопротивления. И были оправданы, так как, по мнению строгих судей, дей-

ствовали по обстоятельствам, а те сложились не в их пользу. А вот Коряков, а с ним пятеро профсоюзных деятелей, которые спасли Тобольск от разграбления, а его жителей — от бессмысленных жертв, были расстреляны по приговору трибунала, несмотря на то, что в их защиту выступили профсоюзы и рабочие и служащие тобольских предприятий: за связь с повстанцами. «Обстоятельства» во внимание никто не принял. Как и то, что коммунисты, покидая город, официально передали Корякову бразды правления, а значит, и право действовать в соответствии с этими самыми обстоятельствами. Такова была благодарность за спасённый город. Вполне в духе советской власти.

Александр Гогун

В преддверии «Барбароссы»

ГЛАВНАЯ ОШИБКА СТАЛИНА

Я уверен, что в обеих странах сегодня такой режим, который не хочет вести войну и которому необходим мир для внутреннего строительства.

Адольф Гитлер Вячеславу Молотову, 12 ноября 1940 г.

В СССР и Германии много аналогичного, так как обе партии и оба государства нового типа.

Вячеслав Молотов Рудольфу Гессу, 13 ноября 1940 г.

В декабре у Восточной Европы и Германии был общий юбилей. Ровно 70 лет назад была подписана знаменитая директива № 21 — план нападения на СССР под кодовым названием «Барбаросса». Как вы лодку назовёте, так она и поплывёт. Военственный император Священной Римской империи в своё время нелепейшим образом утонул при переправе через реку в Малой Азии в ходе крестового похода. План «Барбаросса», как известно, столь же бесславно, но куда более громко провалился.

А пока обратим внимание на дипломатическую предысторию событий — упорные, даже напряжённые беседы двух профессиональных революционеров.

В ноябре 1940 г. в Берлине прошли советско-германские переговоры. Делегацию «мирового пролетариата» возглавлял председатель Совнаркома Вячеслав Молотов, немецкую сторону представлял сам рейхсканцлер Адольф Гитлер. Переговоры принято считать прологом советско-германской войны.

Эти беседы и их последствия неоднократно описаны в мировой и российской историографии. Тексты бесед между Молотовом и фюрером запротоколированы и опубликованы как на Западе, так и в России. В научных кругах доминирует следующая точка зрения: переговоры были комедией, которую Гитлер ломал перед нападением на СССР, чтобы усыпить бдительность Сталина.

Открывшиеся в последнее десятилетие факты заставляют существенно пересмотреть эту позицию.

Стратегическая ситуация для обеих сторон в тот момент была патовой. Рейх уже захватил Чехию, разгромил Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию, Францию, Нидерланды. В самом разгаре была воздушная битва за Англию, которую Люфтваффе проигрывали, а немецкие подлодки наносили удары по английским морским коммуникациям. СССР оккупировал половину Польши, завоевал Карельский перешеек, занял Бессарабию, страны Прибалтики, то есть продвинулся почти до всех границ, очерченных советско-германским пактом и последующими соглашениями 1939 года. Гитлеровская Германия, покорив огромные территории, остро нуждалась в сырье для нормального функционирования экономики разросшегося Рейха. Англия душила своего противника морской блокадой.

Твёрдокаменный Молотов, уезжая в Германию, получил подробные инструкции от своего шефа, о чём не преминул сообщить противоположной стороне: «Я выражаю позицию лично Сталина!» Гитлер сам принял высокого гостя, его тщательно проинструктированные дипломаты играли вторые роли.

Основные идеи Гитлера состояли в том, чтобы поделить уже не Европу, а весь мир. В распределе-

нии пирога должны были участвовать Италия, Германия, Япония, СССР, который получал возможность экспансии на юг — в Иран, Ирак, Афганистан, Индию. В Восточной Азии Сталин должен был сам договориться с Японией. Это позволяло образовать союз тоталитарных диктатур на бескрайних просторах Евразии.

Гитлер хотел направить экспансию СССР на юг, чтобы Сталин не мешал заниматься ему европейскими проблемами. Правда, ещё с июня 1940 г. германский Генштаб планировал возможную войну против СССР, но эти разработки можно было прекратить в любой момент. В то время генштабы всего мира просчитывали разные варианты развития событий, как нападение, так и оборону.

Молотов, которому не впервой было вести беседы об империалистическом дележе суверенных стран, в общем, выразил интерес к предложению, но заявил, что сначала надо прояснить ситуацию в Европе в соответствии с буквой и духом соглашений 23 августа и 28 сентября 1939 года. Конкретнее, он предложил вывести немецкие войска из Финляндии и Румынии, а также упрочить влияние СССР в Турции и Болгарии.

Переговоры шли два дня по одной и той же тупой схеме: Гитлер настойчиво предлагал поделить планету, Молотов упрямо повторял — сначала удовлетворите наши европейские претензии.

Беседа ни к чему не привела, Молотов уехал домой не солоно хлебавши.

Через две недели, 25 ноября, в Кремле Молотов заявил немецкому послу Шуленбургу о готовности

СССР принять проект четырёх держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи при условии урегулирования восточно-, южно- и североевропейских проблем. Гитлер отклонил предложение, но зато 19 декабря 1940 г. подписал директиву № 21. Ориентировочный срок нападения на СССР определялся поздней весной 1941 года.

В связи с этим имеет смысл остановиться на требованиях Сталина.

Одно из них заключалось в признании интересов СССР в Финляндии и выводе оттуда германских войск. В дополнение к этому Сталин устами своего зама выразил желание, чтобы были признаны интересы СССР в Швеции и районе Шпицбергена. В этом случае рудники на севере Швеции, где Германия черпала незаменимое стратегическое сырьё — железную руду, должны были оказаться либо под прямым контролем Советов, либо в зоне действия их фронтовой, не говоря уже о стратегической, авиации. Уже из этого ясно, что «кремлёвский горец» хотел сделать Рейх беззащитным, полностью зависимым от него «колоссом на глиняных ногах».

Второе по важности требование: вывод частей Вермахта из Румынии, признание советских интересов в Румынии и Болгарии. Из Румынии Германия и Италия получали необходимую нефть и нефтепродукты. То есть постановка ещё и этого района под контроль СССР давала возможность задушить Рейх и его союзницу буквально голыми руками — даже без крупномасштабной войны на территории Польши.

Вдобавок Сталин громогласно захотел получить контроль над Босфором и Дарданеллами. Советские военные базы в проливах, помимо возможности выхода Красного флота в Средиземноморье, предоставляли СССР контроль над всеми турецко-германскими экономическими связями. А из Турции Германия получала хром. Министр вооружений Альберт Шпеер в самый разгар войны в аналитической записке Гитлеру отмечал жизненную важность этого сырья: «Если прекратятся поставки из стран Балканского полуострова и Турции, то наши потребности в хrome могут быть обеспечены только на протяжении чуть больше пяти с половиной месяцев. Это означает, что после расходования наших запасов заготовок для труб, которых должно хватить на два месяца, придётся приостановить производство самолётов, танков, грузовиков, броневой техники, подводных лодок и артиллерийских орудий».

А ещё Кремль хотел от Берлина признания своих интересов в Иране и некоторых других уступок...

Здесь необходимо вспомнить, что же происходило в СССР в указанное время.

На момент переговоров уже больше года был запущен мобилизационный процесс. ВПК производил горы снарядов и патронов, штамповал десятками подводные лодки, тысячами — танки и самолёты. На производство военной продукции в массовом порядке переходили обычные заводы. С нуля разворачивались сотни новых дивизий. Военные училища готовили десятки и сотни тысяч командиров армии, флота и НКВД. Проводилась пропагандно-идеологическая подготовка населения к «великой войне». Многие мобилизационные приготовления приняли необратимый характер.

Об этом немецкая разведка кое-что знала. Неизвестной для неё оставалась работа генштаба, где ещё с октября 1939 г. разрабатывался план войны с Германией. 14 октября 1940 г. советское руководство *утвердило* этот документ. То есть судьба Рейха была решена ещё до переговоров и вне зависимости от их исхода.

Поэтому переговоры в Берлине были попыткой Сталина выторговать у Гитлера превосходные условия для «освободительного похода» Красной армии.

Это и стало главным просчётом красного диктатора.

Ведь в результате получения СССР ряда плацдармов в 1939–1940 гг., а также увязания Германии в войне возможности стремительного захвата Европы (а позже — и мира) и так к концу 1940 года стали просто великолепными. Удар по Румынии с территории Молдавии и из Прибалтики по шведско-германским коммуникациям позволял подкопать Рейх. И в этот момент Сталин забыл собственное изречение: «лучшее — враг хорошего». Изготовившись к уничтожающему маршу, хладнокровный тактик имел возможность убаюкивать самовлюблённого психопата долгими переговорами и ограниченными уступками. Подвело Джугашвили головокружение от успехов. Кремлёвский горец, загнав своего партнёра в стратегический тупик, уверовал в его дальнейшую покладистость и продолжил выкручивать руки обречённому и весьма издёрганному фюреру.

Начальник Генштаба вооружённых сил Германии Вильгельм Кейтель на допросе 17 июня 1945 г. вспоминал о беседах Молотова с Гитлером как о переломном событии: «После этих переговоров я был информирован, что Советский Союз якобы поставил ряд абсолютно невыполнимых условий по отношению к Румынии, Финляндии и Прибалтике. С этого времени можно считать, что вопрос о войне с СССР был решён. Под этим следует понимать, что для Германии стала ясной угроза нападения Красной Армии».

В Берлин пришло осознание того, что если Сталин выдвигает такие требования уже сейчас, то долгого добрососедского мира с ним не будет. А раз так, то лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

До конца 1940 года постепенное нарастание недружественного советского давления для Гитлера и его окружения было крайне болезненным. В ходе же ноябрьских переговоров оно стало просто невыносимым.

АРХИВ

Алексей Алымов

Зловещая тень Розенберга

Не превышавшая численностью четырёх дивизий ударная группа германской армии, прорвавшаяся на Северный Кавказ через Сальские степи и Ставрополье, в течение августа 1942-го года быстро растекалась в трёх направлениях: на запад, через Краснодар к Новороссийску, на восток, к Будённовску

(Святому Кресту) и Грозному, а небольшие соединения горной пехоты «Эдельвейс» и мотоциклистов, почти не встречая сопротивления, заняли Пятигорск и район Минеральных Вод. По свойственной немцам страсти к военным эффектам, отряд отборных альпинистов поднялся на Эльбрус и водрузил флаг со свастикой на его снежной вершине.

— Наше знамя реет над высочайшей горой Кавказа, — гордо сообщала сводка германского главно-

го штаба. Немцы на Фридрихштрассе и Унтер ден Линден, вероятно, с упоением читали и перечитывали эту телеграмму. Русские же на Кавказе посмеивались: у красных на Эльбрусе была лишь высокогорная метеорологическая станция с тремя сотрудниками да полуразвалившийся сарай для ночёвки туристов. Зато многое говорили им другие факты, которые немцы не поняли, недооценили и не использовали.

Кисловодск был брошен красными за два дня до прихода туда немцев, и последние беженцы-коммунисты покидали его уже под напором спустившихся с гор партизан-карачаевцев. Эти партизаны, под начальством молодого карачаевца доктора С-ва поддерживали в городе порядок вплоть до прибытия немецких мотоциклистов. Никаких проявлений межнациональной вражды, чего боялись многие городские жители, со стороны горцев не было. Наоборот, русская и горская молодёжь в первый же день по уходе красных дружно разгромила многочисленные памятники «вождям» всех рангов, украшавшие парк и курзал, а взрослое население, особенно женщины, столь же единодушно растаскивали роскошную отделку и утварь комиссарских домов отдыха. Здесь добра всем хватало. Из шёлка оконных драпировок и бархата занавесок интимных внутренних помещений сшили себе платья чуть ли не все кисловодские девицы.

Жизнь домов отдыха для ответственных работников, до того времени тщательно закрытая от глаз населения высокими стенами и цепью охраны, обнажилась перед глазами изголодавшихся людей. Пятигорская газета даже напечатала интервью повара одного из этих домов, специалиста по приготовлению форелей, доставлявшихся туда в специальных автобассейнах.

Стихийное возникновение антисоветских партизанских отрядов началось почти во всех прилегающих к фронту районах. Особенно энергично развивалось оно в Чечне, Дагестане и Ингушетии. В эти отряды вливалось много бойцов и даже командиров разбитых красных частей. В Нальчике при приближении немцев вспыхнул удачный для восставших военный бунт. Перебив политруков, более двух тысяч красноармейцев перешли фронт с оружием в руках. Глухо волновалась даже состоявшая под особым покровительством диктатора, родная ему Грузия, несмотря на то, что она всегда обильно снабжалась промтоварами и коллективизация, сплошная для прочих частей СССР, достигла там всего 57%.

Тем не менее, Военно-Грузинская дорога в августе, сентябре и октябре 42-го года подвергалась беспрерывным ударам со стороны засевших в горах отрядов, и красные передвигались по ней лишь крупными эшелонами под охраной танков и броневиков. Значительные силы антисоветских грузинских партизан накапливались в лесах Боржома и окрестностях Сухума. Позже, когда надежда на вторжение немцев в Закавказье была уже поте-

ряна, часть этих партизан, около трёх тысяч человек, всё же вышла мелкими партиями на оккупированную территорию, пробравшись через Архыз и Красную Поляну, причём в числе вышедших было несколько высших грузинских партийцев и даже член ЦК компартии Грузии. Их предводителем был старый подпольщик, трижды бежавший от большевиков инженер Г-дзе.

Осенью 42-го года отдельные искры российского сопротивления вспыхивали повсеместно: в Осетии, Черкесии, Аварии, Микаян-Шахае, Баталпашинске, Нальчике.

Раздуть их и слить в один мощный очаг, зажечь пламенем антисоветской борьбы весь Кавказ, казалось бы, было прямой задачей германского командования... но оно не сделало этого.

Берлин, опьянённый лёгкими победами над не желавшими сражаться, деморализованными частями красной армии, приписывал их всецело превосходству своей стратегии. Берлин, именно он, откуда нависала над Кавказом мрачная тень Альфреда Розенберга. Там, несмотря на все заверения фронта, не хотели понять того, что **порывы горских народов Кавказа были антисоветскими, но не антирусскими**, что эти народы стремились не к самостоятельности, но к единению с Россией... а это не входило в фантастические планы мифотворцев XX-го века.

Немцы охотно принимали повстанцев и перебежчиков и отправляли их вглубь Германии для формирования, а оттуда в Грецию, Боснию, Италию и даже на Атлантический вал... Один из таких батальонов был в числе последних защитников Ла Рошели и своей стойкостью изумил американцев, наивно предложивших ему «отправку на Родину» по капитуляции.

Тенденция розенберговской клики, вопреки требованиям командования кавказской армейской группы, направить антибольшевицкое освободительное движение народов Кавказа в антирусское русло, поднять зелёное знамя Газавата времён Шамиля, дали обратный результат. Начиная с ноября 42-го, партизанское движение горцев стало затихать, а между тем, если бы к этому времени пожар на Кавказе разгорелся и была бы перерезана стратегическая «нефтяная» железнодорожная линия Баку-Астрахань, то сталинградская битва приняла бы, несомненно, иные фазы...

Несостоятельность ставки на сепаратизм, её фантастичность для народов Кавказа обнаружилась с особой яркостью в последовавшие годы войны. Несмотря на агитацию издававшейся в Берлине шовинистической газеты «Газават», несмотря на организацию целого ряда восточных «национальных комитетов» и энергичную поддержку их Розенбергом **при отсутствии русского комитета**, командующему добровольческими формированиями генералу Кёстрингу всё же пришлось уступить национальные восточные (кавказские и среднеазиатские) батальоны общерусскому освободительному («вла-

совскому») движению **по энергичному желанию самих батальонов.**

«Гольдфазанов» Розенберга — чиновников восточного министерства — на Кавказе не было. Они туда не успели доехать, и там, где у командования армии были развязаны руки и оно могло ликвидировать колхозы, как, например, в Карачае, сопротивление советам принимало массовые всенародные формы, что и вызвало впоследствии поголовную ссылку этих народов в Сибирь.

Не было абсолютно и советской партизанщины. Она не вспыхнула **даже в период отступления немцев.** Все попытки агентов Берии создать её удушались в корне самим населением, не шедшим ни на какие провокации. Засланный в Ставрополье испытанный партизан Гражданской войны, генерал Книга, не смог организовать там ни одного красного партизанского отряда и сам едва ускользнул от выследивших его казаков.

Тем не менее, уже в октябре стало ясно, что расчёт немцев на молниеносное завоевание Кавказа своими силами и на прорыв к Баку безнадежно провалился. На все требования о подводе резервов Берлин отвечал отказом: сталинградская мясорубка поглощала все наличные силы.

Восточная группа армий генерала фон Клейста, докатившись до Грозного, стала; западная (менее двух дивизий) бессильно топталась под

Туапсе. **Войска, распылённые на огромном протяжении Кубани и Терека, были фактически настолько слабы, что горсть черноморских краснофлотцев, засевшая в штольнях Новороссийского цементного завода, так и досидела в них до отхода немцев, продержавшись в осаде около пяти месяцев.**

Только полная деморализация советских войск в Закавказье не позволила им перейти в наступление и уничтожить занявшую Северный Кавказ группу германских войск.

— Eastern Krieg ist verloren, — мрачно бросил в кругу близких к нему офицеров генерал-полковник фон Клейст. — Восточная война проиграна.

Лучшие немецкие генералы понимали это ещё тогда, когда 22 из 26 районов Сталинграда были в руках немцев и Гитлер кричал из Берлина: «Сталинград должен быть взят, и он будет взят!»...

Война на востоке, а с нею и вся война в целом, была проиграна не вследствие военных неудач — их ещё не было тогда, — но в силу непонимания немцами духа народов России, тесно связанных между собой и спаянных своим прошлым в единый грандиозный монолит. Пример вторжения германской армии на Северный Кавказ — яркая иллюстрация этой спайки.

Горе тем, кто повторит ошибки мифотворцев XX-го века.

КНИГИ И ЛЮДИ

Георгий Соколов

Мемуаристика и советчина

Люди старшего поколения, в которых постреволюционный режим не вытравил чувства преемственности с исторической Россией, в качестве доступного исторического материала могли пользоваться весьма узким кругом источников. Прослушивание «радиоголосов», а тем более чтение в «самиздате» или «тамиздате» зарубежных изданий, требовали от человека известной смелости. Весь смысл идеологического контроля и заключался в «выявлении и изоляции лиц, проявляющих нездоровый интерес к чуждым и враждебным советскому строю темам». Чем актуальнее выглядела историческая проблематика, тем жёстче становились цензурные рамки. Например, трагические события русско-японской войны 1904–1905 годов надлежало рассматривать как «яркий пример бездарности и несостоятельности правящих классов России». Великая война 1914–1918 годов вовсе превратилась в «забытую войну». Все исторические материалы, касавшиеся советского периода, тщательно цензурировались вплоть до конца 1980-х годов. Лишь за несколько лет до крушения Советского Союза начали появляться

первые альтернативные публикации на ранее запретные темы.

«Вольная» историческая литература 1920-х — начала 1930-х годов, предназначавшаяся широкому кругу читателей, прочно осела за дверьми пресловутых «спецхранов». Сюда допускались лишь особенно благонадёжные лица. Единичные экземпляры, оставшиеся в частных библиотеках, при их выявлении не сулили владельцу ничего хорошего. «30–50-е годы XX века — время наибольшей закрытости советского общества, когда идеологическая, политическая, военная цензура в лице работников, которые её направляли и возглавляли, не допускала в открытой печати никакой объективной информации, но превратила информацию в средство коммунистического воспитания, согласно представлениям о таком воспитании руководителей партии и государства. <...> Так, например, справочники 30–40-х годов XX века, посвящённые народонаселению Советского Союза, содержат абсолютно искажённую информацию». «Те, кто руководил идеологией <...> справедливо полагали, что эта информация будет обращена против того политического режима, кото-

рый существовал в стране». «В литературе, которая издавалась с 1930-х до 1980-х годов, были приняты особые критерии, в соответствии с которыми определённая информация могла быть допущена или не допущена к публикации. Существовали специальные пособия, обучавшие тому, как нужно дозировать и препарировать информацию». (Щапов Я. Н. Справочный инструментарий историка России. М., 2007).

Естественно, хранение и чтение исторической литературы русской эмиграции рассматривалось в качестве криминала самого высокого уровня. Однако советские идеологи вполне сознавали, что примитивная мифология не в состоянии полностью удовлетворить интересы читателей. Придать достоверности продукции партийного агитпропа могли живые свидетельства-мемуары. Такую сложную задачу услужливо решали так называемые *возвращенцы* (Александровский, Мейснер, Любимов, о книге которого Р. Б. Гуль отозвался как об «исполненной вранья», и другие примиренцы). Такие сочинения зачастую выходили в провинции (Ташкент, Алма-Ата). Здесь некоторым полезным мемуаристам позволялось доживать. Тиражи — по советским масштабам — подобных книг выглядели более чем скромными и не превышали 40–60 тыс. экземпляров. Тем не менее, они мгновенно расходились. Воспоминания возвращенцев, не опасаясь за последствия, можно было давать читать знакомым, искать крупницы правды между строк, обсуждать в кругу близких людей. Выходили в свет (впрочем, весьма нечасто) тематические сборники, издававшиеся по образцу книги «Встречи с прошлым». В этой связи особый интерес представляют мемуары лиц, занимавших высокое положение в дореволюционную эпоху и по разным причинам оказавшихся на службе у большевиков.

Мемуары бывшего генерала от кавалерии А. А. Брусилова впервые увидели свет в Москве в 1929 году в Государственном издательстве (тираж 5000 экземпляров). Весной 1941 года они были переизданы в Воениздате Наркомата обороны, без указания тиража, (что вообще было свойственно этой книгоиздательской структуре). Там, без всяких оговорок, публикаторы опустили все фрагменты, касавшиеся страстного увлечения мемуариста оккультизмом, и, в частности, описывавшие его участие в спиритических сеансах. Здесь уместно привести панегирический отзыв Брусилова, посвящённый Е. П. Блаватской: «Стоит почитать её сочинения, подумать о том пути, духовном, который она открывала людям, о тех оккультных истинах, с которыми она нас знакомила и благодаря которым жизнь человеческая становится намного легче и светлее». Не это ли стремление к «лёгкости» А. А. Брусилова, вместе с тем подчеркивавшего своё православное мировосприятие, привело генерала в стан большевиков, а историческая справедливость рукою В. Л. Бурцева поставила его во главе списка генералов-предателей, благодаря деятельности ко-

торых потерпело неудачу Белое движение? В том же издании исчезли некоторые авторские комментарии и приложения.

В начавшейся Второй мировой войне, обескровившей Россию, Советы использовали невероятные людские ресурсы. Но одного пушечного мяса для сохранения власти большевикам не хватало. Массовое открытие православных храмов на занятых германскими войсками территориях побудило сталинцев к созданию ручной Московской Патриархии. С лёгкостью большевики стали использовать захваченные символы некогда поруганного русского прошлого, чтобы консолидировать население с целью достижения необходимой победы. Введение в 1943 году погон и разрешение на избирательное ношение старых воинских наград (последним, впрочем, наученные горьким опытом люди воспользовались в единичных случаях, да и то не без последствий) стало плодами хитроумной национал-большевицкой политики. В свой пропагандистский пантеон сталинцы внесли не только имя А. А. Брусилова, что, в общем, справедливо, но и А. В. Суворова. Хотя нам трудно представить Александра Васильевича в роли военспеца в бандах Емельки Пугачёва при каком-нибудь «комиссаре» Касыме-Рваное ухо. Богоборческая власть попыталась поставить себе на службу имена Кутузова, Корнилова, Нахимова, Истомина и многих других героев русской истории, чьи всечестные останки, вероятно, содрогнулись от такого кощунства.

Но после войны имя Брусилова опять уходит в тень. Лишь в 1963 году вновь появилось очередное издание его мемуаров (тираж 50 000 экземпляров) с обширным предисловием профессора В. В. Мавродина. Как правило, такие публикации отличались широким историческим обзором, пересказом содержания или обильным цитированием мемуарного текста, а также многочисленными оценками. Издание 1963 года соответствовало изданию 1941 года. И вновь — ни слова о купюрах, даже в классических выражениях: «текст сокращён за счёт материалов, не представляющих интереса для советского читателя». Лишь в конце упоминается о Русском заграничном историческом архиве, большая часть которого в 1946 году «поступила» в СССР. Здесь и была обнаружена рукопись второго тома воспоминаний «антисоветской направленности». Думается, что абсолютное большинство читателей и не подозревало о существовании самого архива, тем более о содержании архивных фондов. К 1963 году советские специалисты доказали, что рукопись написана рукой жены А. А. Брусилова — Н. В. Брусиловой-Желиховской, с целью оправдать мужа в глазах белой эмиграции. Предисловие завершается патетической фразой: «Честное имя А. А. Брусилова восстановлено полностью».

Завершает мытарства брусиловских воспоминаний издание Федеральной архивной службы России и Российского государственного военно-исторического архива (М., 2001; тираж 2000 экземпля-

ров). В предисловии в связи с судьбой второго тома мемуаров скромно сообщается: «На сегодняшний день ни в одном из отечественных архивов не обнаружено каких-либо источников, опровергающих авторство А. А. Брусилова». А как же «скрупулёзное исследование» Военно-научного управления Генерального штаба, Главного архивного управления при Совете Министров СССР, редакции «Военно-исторического журнала» и Центрального научно-исследовательского института судебных экспертиз периода 1950–1960-х годов, упомянутых в предисловии профессора Мавродина?..

Не менее любопытна и история издания воспоминаний М. Д. Бонч-Бруевича, бывшего генерал-лейтенанта русской службы, пребывавшего в звании советского генерал-лейтенанта на момент выхода в отставку. Брат небезызвестного соратника Ульянова-Ленина, он вместе с ним миновал сталинские мясорубки и на склоне лет (умер в 1956 году), видимо, не без указания «сверху», начал работать над воспоминаниями. Обратимся к воспоминаниям литзаписчика М. Д. Бонч-Бруевича, некоего Ильи Кремлёва (*Кремлёв И.* В литературном строю. М., 1968). Справку о нём можно найти в Краткой литературной энциклопедии (М., 1966): «Илья Львович Кремлёв-Свен, русский советский писатель. ...Трилогия “Большевики” (1956)... К.-С. принадлежит также лит. запись воспоминаний М. Д. Бонч-Бруевича “Вся власть Советам”».

Каков же был метод работы Кремлёва? Этот раздел книги «В литературном строю» именуется «Необыкновенный реликт»: «Откровенно говоря, я не всегда и не во всём достаточно бережно подходил к Михаилу Дмитриевичу как к автору и, дав ему на просмотр отпечатанную на пишущей машинке рукопись, не без страха ждал его замечаний и высказываний. <...> Я был уверен, что с некоторыми поправками и вставками он не согласится. Этого не произошло. Зато, судя по вернувшейся ко мне рукописи, одна вписанная мною фраза привела его в такое негодование, что он не только вычеркнул её, но и тёр чернильной резинкой до тех пор, пока не продырявил страницу. Вставленная в текст фраза говорила о самой невинной как будто вещи. “Я никогда не был верующим человеком”, — написал я, будучи уверен в атеизме человека, столь решительно порвавшего с прошлым и так много сделавшего для нашей безбожной революции. “Что случилось с Михаилом Дмитриевичем?” — недоумённо спросил я его жену, рассказав о непонятной придирке генерала. — “Видите ли, он всегда был и так и остался глубоко верующим человеком”, — сказала Зинаида Александровна».

Православие М. Д. Бонч-Бруевича было, очевидно, сродни вере его дореволюционного сослуживца А. А. Брусилова. На старости лет страх Божий, видимо, посетил генерала. Но поражает, с какой лёгкостью «литзаписчик» приписывает целую мировоззренческую позицию своему подопечному. Каковы же другие правки? Что же осталось от пер-

вичного текста? Для характеристики престарелого мемуариста уместна ещё одна цитата из воспоминаний И. Л. Кремлёва-Свена: «По поводу другого места рукописи, где я, чтобы объяснить, почему он, Бонч-Бруевич, возражал против перевода Корнилова и других генералов из Быховской “тюрьмы”, упомянул об его офицерской солидарности, он испуганно написал: “Я не могу ставить себя в такое положение, этого не было, офицерской солидарности у меня не было”. И далее так же жирно и всячески подчеркнул: “Пожалуйста меня и не приписывайте мне того, чего я не делал”».

Думаю, комментарии здесь излишни.

С не меньшей лёгкостью обращались цензоры и с «трудами» сотоварищей по классу. В 1959 году в издательстве «Молодая гвардия» (тираж 100 000 экземпляров) вышли бодрые, революционному залихватские воспоминания бывшего большевицкого коменданта Московского Кремля, изрядно отсидевшего «в местах не столь отдалённых» П. М. Малькова, созданные «в творческом содружестве с кандидатом исторических наук, литератором А. Я. Свердловым». Скрупулёзное описание мемуаристом расстрела в Кремлёвском дворе эсерки Ф. Каплан показалось «целомудренным» цензорам излишне натуралистическим, и в последующих переизданиях вплоть до 1987 года (М., 1987, тираж 100 000 экземпляров), эта сцена опускалась, опять же без указания на купирование. В предисловии к русскому переводу воспоминаний императора Пу И даётся следующая характеристика книги: «Вряд ли её можно считать автобиографией. Совершенно очевидно, что она представляет собой коллективный труд группы высококвалифицированных специалистов-историков, привлечённых в помощь автору». Таковы же «воспоминания» Будённого, Городовикова, Жукова и прочих советских военачальников.

В завершение необходимо упомянуть и работу современного исследователя, опирающуюся на своеобразно воспринятые протоколы допросов как «искренние и точные» воспоминания. В журнале «Новый Часовой» (№ 15–16) К. М. Александровым и гг. Вербицким опубликована пространная рецензия на книгу петербургского публициста А. А. Смирнова «Казачьи атаманы» (СПб.–М., 2002; тираж 5 000 экземпляров). После рецензии вышеупомянутых авторов к ней трудно что-либо добавить. Хотелось бы лишь обратить внимание на характерные особенности возмутительного опуса Смирнова.

Во вступлении ко второй части, посвящённой биографии П. Н. Краснова, Смирнов пишет: «Создателей официальной истории С. С. С. Р. можно горячо благодарить за то, что они оставили после себя увлекательное наследство». Наследство, где поистине, как в куче навоза, приходилось отыскивать зёрна неискажённых фактов. В результате такого «исторического наследства» несколько поколений читателей полагали, а иные полагают и до сих пор, что отечественная история началась 25 октя-

бря/7 ноября 1917 года. Ещё цитата из сочинения Смирнова: «Никто лучше не расскажет о человеке, чем он сам. И Пётр Николаевич, на 78-м году своей увлекательной жизни, рассказывал следователю Г. Б. о многих событиях отечественной истории точно и искренне. Основываясь на таких его воспоминаниях, и написана эта книга». Следуя подобной логике, сообщество медведей должно благодарить таксидермистов за то, что они делают из их трупов прекрасные чучела. Назвать «воспоминаниями» протоколы многомесячных лубянского допросов можно лишь по недомыслию или от чувства особой благодарности к сотрудникам известного ведомства, допустивших публициста в свои хранилища.

Нотки праведного гнева звучат в пассажах Смирнова: «Дошло до того, что суд над ним и другими “белыми” генералами в Москве, объявили инсценировкой». А разве это не так?.. Язык А. А. Смирнова близок к превосходному определению И. А. Бунина: «Заборный язык». Публицист предваряет помещённое им в конце книги последнее слово П. Н. Краснова неумолимым вердиктом: «Он признал своё моральное и историческое поражение перед советской властью». В 1974 году в Воениздате вышел в свет сборник «Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок». В сборнике был опубликован большой очерк, посвящённый П. Н. Краснову. Его автор тоже знакомился со следственными материалами и вряд ли бы упустил для своих пропагандистских целей «столь яркий документ саморазоблачения злейшего врага советской власти». Но и у Смирнова хватило всё же совести усомниться в ценности своего «научного

открытия» и аутентичности архивного документа: «Иначе, как ... капитуляцией его перед большевиками, с которыми он боролся тридцать лет, это “последнее слово” — не назовёшь. Или — блестящей фальсификацией».

Стиль А. А. Смирнова как будто унаследован им от Кремлёвых-Свенцов, Свердловых и прочих баснописцев. Как бы ни относиться к личности Великого Князя Кирилла Владимировича, но упоминать прозвище «Царь Кирюха», ссылаясь при этом на каких-то неведомых его противников и оппонентов, — недостойно человека, заявляющего о своей любви к родине и её истории. Во всём сочинении А. А. Смирнова постоянно ощущается пикулевско-панибратское похлопывание по плечам исторических персонажей. Комментируя один из ответов П. Н. Краснова следователю, Смирнов употребляет выражение «то ли кокетничая, то ли оправдываясь», — и это о 78-летнем обречённом старике! Смирнов призывает опубликовать в рамках федеральной книгоиздательской программы труды вождей Белого движения, уверяя, что «это будет лучшим им памятником, лучшей реабилитацией, чем казённая справка с печатью Главной военной прокуратуры».

Ныне книги стали доступны, а герои Белой борьбы не нуждаются в реабилитации со стороны правопреемников советской власти. Они не были ошибочно зарезанными овцами, их труды сами свидетельствуют в пользу своих авторов. И сегодня задача беллетриста заключается в том, чтобы поднять читателя до уровня своих героев, не поступаясь реалиями, и не превращать живой исторический материал в подобие кухонно-коммунальных сплетен.

Людмила Флам

Российская научная эмиграция в Европе

Татьяна Ивановна Ульянкина, специалист по социальной истории науки, заимствовала название для книги из письма писательницы-публициста Е. Д. Кусковой, хранящегося в Бахметевском архиве Колумбийского университета. Архив этот — один из многих источников, использованных автором в США и России.

Труд Ульянкиной выходит за рамки указанных в заглавии лет: еще в начале книги она рисует общую картину правового (а часто и несправедливого) положения русских, попавших в эмиграцию в результате исхода двадцатых годов прошлого столетия, и затем тех, кто оказался в Западной Европе по окончании Второй мировой войны, вплоть до последующего расселения их в заокеанских странах.

Однако основное внимание автор уделяет послевоенному периоду в Западной Германии.

В соглашении, подписанном американцами и англичанами 11 февраля 1945 года в Ялте, говорилось, что все советско-подданные, освобождённые их военными силами, будут переданы советам. Генерал де Голль подписал почти такое же соглашение в 1944 году, когда был с визитом в Москве. Следуя букве договора и не задумываясь, почему люди могут не хотеть возвращаться на свою родину, западные союзники принялись организовывать их репатриацию, добровольную и насильственную.

Ульянкина приводит таблицу, согласно которой общая численность репатрированных советских подданных составляла 5 218 000 человек. А Н. Толстой, автор книги «Жертвы Ялты», приводит данные, полученные от бывшего офицера советских органов Госбезопасности, согласно которым общее

[Рец. на кн.:] Т. И. Ульянкина. «Дикая историческая полуса...» Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). — М.: «Русский путь», 2010

число репатриированных из западных зон Германии, включая вернувшихся добровольно, было примерно на 300 тысяч больше. Из них, по его же сведениям, 20% получили либо смертные приговоры, либо 25 лет лагерей; 15–20% получили от 5-ти до 10-ти годов лагерей; 10% высланы в Сибирь сроком не менее шести лет; 15% отправлены на работы в Донбасс, Кузбасс и другие разорённые войной районы без права возвращения в родные места, и лишь 15–20% смогли вернуться к себе. Толстой отмечает, что тут не учтено от 15–25% возвращающихся. Возможно, часть из них погибла в пути, предполагает Толстой. Можно предполагать, что среди пяти с половиной миллионов возвращённых было немало представителей научной интеллигенции. Хотелось бы знать подробнее об их судьбе.

Речь, однако, в книге идёт о российских учёных, оставшихся на Западе. Те, кто в прошлом имел советское гражданство, стараясь избежать насильственной репатриации, прибегали к всевозможным ухищрениям, вплоть до приобретения фальшивых документов, которые делали их беженцами из смежных с СССР государств или «старыми» эмигрантами.

Сразу по окончании военных действий основная масса беженцев нашла себе приют в многочисленных лагерях для перемещённых лиц, открытых организацией ЮНРРА (Администрация ООН по оказанию помощи и восстановлению) в Германии, Австрии, Франции, Италии. К началу 1947 г. насильственные выдачи прекратились. Одновременно началось набравшее темпы переселение «Ди-пи» по разным странам. Послевоенному расселению беженцев, особенно иммиграции в США, Ульяновкина уделяет много внимания. Она пишет, что общее число советских невозвращенцев, попавших в США, составило 137 тысяч 700 человек. Их приезд в США был облегчён особым, принятым в июне 1948 года, законом о Перемещённых лицах. Канада, Австралия и ряд стран Латинской Америки также открыли доступ многим беженцам от коммунизма.

Стремление как можно скорее выбраться из положения Ди-пи было обусловлено несколькими причинами. Тут автор даёт недостаточно полную картину. Наименьшую роль играли бытовые условия жизни в лагерях. Слово «лагерь» вызывает у многих самые мрачные ассоциации. Но условия в них были, как правило, вполне сносные, особенно в американской зоне оккупации: люди получали удовлетворительный паёк, превышавший количество продуктов, выдаваемых по карточкам местному населению, были одеты и обуты, им оказывалась медицинская помощь. Жили, правда, в тесноте, обычно по комнате на семью, но доступ в лагерь посторонним не был воспрещён, а сами его жители могли свободно отлучаться и возвращаться, когда заблагорассудится. Во всех лагерях, где были русские, непременно создавалась церковь, организовывались занятия с детьми. В нескольких крупных лагерях были начальные и средние школы. Устраи-

вались концерты и танцы. Летом дети и подростки ездили на природу в лагерь. Бесплатно. Всё обеспечивала ЮНРРА, а потом ИРО (Международная организация помощи беженцам). Молодёжь студенческого возраста получала возможность дальнейшего обучения, чему способствовала возникшая в Мюнхене Организация Российских Студентов (ОРС) (не ОЭРС!) с её отделениями в других городах западных зон Германии. Многие, кто в ту пору был молод, вспоминают то время чуть ли не как самое весёлое в своей жизни. Но все понимали, что такое существование временное и что дальнейшая жизнь в побеждённой Германии, Австрии или Италии бесперспективна.

Вот эта бесперспективность и была одной из важных причин, почему люди стремились уехать из послевоенной Германии, пустить где-то более прочные корни. Но была ещё и другая, более важная, причина: угроза Третьей мировой войны, страх оказаться застигнутыми наступающей советской армией. Опасения эти были вполне реальны, учитывая, что Сталин быстро утвердил свою власть над странами Восточной Европы и пытался проделать то же самое с Грецией. А когда в 1948 году он объявил блокаду Берлина, то казалось — ещё немного, и он двинет войска на Западную Германию. Вот почему, спасая себя и семью, некоторым приходилось делать это всякими правдами и неправдами, уезжать не только под вымышленной фамилией, но с подмалёванными профессиональными данными, иногда преувеличенными, а и иногда и заниженными. Многие страны, согласившиеся принять к себе «Ди-пи», были заинтересованы в получении людей, способных на физический труд. Австралии нужны были заводские рабочие, Англии и Бельгии — шахтёры, Канаде — лесорубы, Марокко — землемеры и т.п. Да и в США отдавали предпочтение тем, кто не гнушался работой на фабрике, на апельсиновых плантациях, куриных фермах, швейных мастерских, трудом прислуги, официантов или уборщиков в сумасшедшем доме. Вот отчего людям с высшим образованием нередко приходилось занижать в анкетах свои профессиональные данные.

Огромную роль в облегчении переселения русских в США сыграла младшая дочь писателя Александра Львовна Толстая, основавшая в США благотворительный Толстовский фонд помощи русским беженцам. Известно, что при содействии её фонда в США въехали из разных стран около 40 тысяч человек. Какую гигантскую энергию пришлось для этого проявить Толстой, можно судить по представленным в книге письмам из вышеназванного Бахметевского архива и архива Толстовского центра, который хранится на так называемой Толстовской ферме (ранее «Рид-фарм») близ Нью-Йорка, где многие приезжие находили себе временный приют. Воспользовалась Татьяна Ульяновкина также и архивом Русской Академической Группы в США.

К кому только Толстая не обращалась в письмах, по телефону и лично, стараясь добыть средства на помощь русским беженцам и добиваясь от американских властей послабления иммиграционных законов! Ещё до того, как Александра Львовна, с помощью своей правой руки, Татьяны Алексеевны Шауфус, открыла европейское отделение Фонда, он начала оказывать денежную помощь многим нуждающимся и наладил отправку вещей и продуктовых посылок в Европу. Одно из главных направлений деятельности Толстовского фонда после принятия закона о допуске в США перемещённых лиц, было обеспечение их «аффидами» — гарантией, что данные лица не станут обузой для государства, что им гарантирована работа или оплачиваемое содержание со стороны выдающих аффида-девит гарантов. Показательна в этом отношении история переселения в США семьи историка Сергея Германовича Пушкарёва с женой и сыном Борисом. В этом, помимо самой Толстой и Шауфус, принимали участие историк Георгий Вернадский и Питирим Сорокин, член так называемого «Профессорского фонда» по оказанию помощи русским учёным в Европе. Эта приведённая Ульянкиной многосторонняя переписка — наглядная иллюстрация бюрократических трудностей, которые приходилось преодолевать желающим эмигрировать в Америку. Но вот 24 июня 1949 года Сергей Германович пишет в Толстовский комитет: *«Начавшееся ещё в 1946 г. дело о моем и моей семье (жена и сын 19 лет) в США, наконец, разрешилось в положительном смысле, и мы на днях должны выехать из Мюнхена в Бремен, а оттуда в Нью-Йорк, куда мы должны прибыть в середине июля. В своем письме от 5.2.47 г. Толстовский комитет писал мне о своей готовности предоставить нам «temporary resettlement facilities at Reed Farm». Теперь, наконец, настало время, когда мы сможем воспользоваться любезной готовностью Толстовского комитета и просить о предоставлении нам временного убежища на Толстовской Ферме...»*

Однако воспользоваться гостеприимством Толстовской Фермы семье Пушкарёвых не пришлось. 14-го июля Е. Томашевская из главной квартиры Толстовского Фонда в Нью-Йорке писала:

«Многоуважаемый профессор!»

По поручению профессора Вернадского спешим Вам сообщить, что в Нью-Хейвене, на вокзале Вас встретит г-н Г. Старицкий, который Вас проводит в приготовленное для Вас помещение.

Организация помощи приезжающим — Travelers Aid Society — возьмёт для Вас билет и посадит Вас с Вашей семьей на поезд».

Так, после нескольких лет хлопот о переселении в США, семья Пушкарёвых наконец прибыла в Нью-Йорк, а оттуда — поездом в Нью-Хейвен, где историк Г. Вернадский, преподававший в Йельском университете, был их гарантом.

Семья Пушкарёвых принадлежала к «старым» эмигрантам. Люди, которые были на 1939 год совет-

скими гражданами и поменяли свою биографию, чтобы избежать репатриации, испытали дополнительные трудности. Ульянкина останавливается на беспрецедентном историческом эпизоде — так называемой «Берёзовской болезни». Пошло это название от писателя Родиона Берёзова (наст. фамилия Акульшин). Он приехал в 1950 в США с вымышленной биографией, о чем решил рассказать правду и был привлечён к ответственности за подлог. В акции его спасения от возможной депортации участвовала та же Александра Толстая. Это она, проф. Иван Чеботарёв и редактор газеты «Новое Русское Слово» Марк Вейнбаум собрали 10 000 подписей в защиту писателя. Они отстаивали не только его, но добились через Конгресс США амнистии для всех беженцев от коммунизма, кто добровольно признался перед иммиграционными властями в допущенной фальсификации. Ссылаясь на материалы Толстовского фонда, Ульянкина пишет, что всего таких людей, «больных берёзовской болезнью», к 1954 году насчитывалось в США 20 тысяч человек. А в биографическом словаре «Русские в Северной Америке» (редактор Е. Александров, СПб., 2005) приводится цифра в 25 тысяч человек. Подобные расхождения указывают на трудности при изыскании и проверке источников.

Первый, если можно так сказать, исторический, раздел книги заканчивается приложением документа Русской Академической Группы в США. Это список учёных, инженеров, врачей и техников, находившихся в лагерях для перемещённых лиц в Европе. В нём 177 человек, не считая членов их семей. Думается, что список этот неполный, замечены в нём и некоторые ошибки.

Второй раздел открывается Биографическим словарём, который занимает почти 200 страниц. Это очень ценный справочник, но тоже не без греха. Так, например, в нём почему-то фигурирует имя Веры Аполлоновны Оболенской, участницы французского Сопротивления. К учёным она отношения не имеет. И не была она поэтом. Что она «поэт», взято из справочника «Российское зарубежье во Франции» В.Н. Чувакова. Есть ошибки и в некоторых других источниках, на которые в книге ссылается автор. При том, что она проделала огромный исследовательский труд (об этом свидетельствует обширная библиография), такие промахи особенно досадны.

Напрашивается вопрос: почему в книге нет хотя бы беглого упоминания научной эмиграции в Прибалтике? Об учёных, находившихся до Второй мировой войны в Чехии, Венгрии, Югославии, говорится, а разве Литва, Латвия и Эстония не Европа? На самом деле, после насильственного присоединения их к Советскому Союзу, с июня 1940-го по июнь 1941-го, русская интеллигенция в Прибалтике понесла огромные потери. Многие были арестованы, расстреляны или сосланы. Неудивительно поэтому, что когда в 1944 году к Литве, Латвии и Эстонии стали вновь подступать советские вой-

ска, часть из них предпочла спастись бегством в нелюбимую ими Германию. Когда же Советская армия освободила эти страны от немцев, по Прибалтике вновь прошла волна террора, и вновь среди пострадавших были оставшиеся там представители интеллигенции. Судьба этой части российской научной интеллигенции, несомненно, заслуживает изучения.

Т. И. Ульянкина не считает свою монографию окончательной и непогрешимой. Она предлагает читателям доводить до её сведения возможные поправки и дополнения. Можно надеяться, что она

продолжит свой большой и важный труд, посвящённый тяжёлому жизненному пути российских учёных. По прочтении книги напрашивается вывод: какую огромную потерю знаний, таланта и творческой энергии понесла Россия, и какую огромную пользу принесли российские изгнанники приютившим им странам. Даже те, кто приехал, не гнушаясь никакой, даже самой чёрной работы, со временем стали полноценными, а подчас и выдающимися членами общества, а дети их и внуки, почти поголовно получившие высшее образование, продолжают эту традицию по сей день.

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Григорий Казаков

Исследовательская поездка в Сербию и Хорватию в честь 120-летия проф. М. В. Агапова-Таганского

С 13 по 27 июля 2010 г. состоялась исследовательская поездка в Сербию и Хорватию, по местам, связанным с жизнью и деятельностью М. В. Агапова-Таганского (1890–1973) — выдающегося российского и югославского педагога, учёного-психолога и деятеля скаутского движения.

Поездка была посвящена 120-летию со дня его рождения и имела своей целью посетить города, где Максим Владимирович жил и работал после эвакуации из России, собрать новые, прежде неизвестные его труды и материалы о нём. Так, например, сам М. В. Агапов в письме Старшему русскому скауту О. И. Пантюхову от 14 ноября 1940 г. говорит, что опубликовал к тому времени 26 работ по психологии и педагогике; между тем в России до настоящего времени были известны только две: «Педагогические основы скаутизма» и «Идеологические основы скаутизма», первая из которых была впервые опубликована в 2006 г., а вторая переведена с сербского языка в 2008 г. и до сих пор не издана. Поездка совершалась с чувством уверенности, что возвращение многообразного наследия проф. Агапова в Россию имеет большое значение для развития отечественной науки и изменения педагогической ситуации в стране к лучшему.

Максим Владимирович Агапов — объединительная личность для России, Сербии и Хорватии. Во время поездки автор данной заметки встретился с руководителями сербских и хорватских «извиджачей» (т.е. разведчиков — так там называются скауты), с которыми обсудил историю и современное состояние скаутского движения в названных странах, а также возможности сотрудничества, в том числе в области изучения трудов проф. Агапова и сохранения его

памяти. Автор также побывал на общехорватском скаутском Слёте, где вручил руководителям хорватской организации приветствие на хорватском языке от лица российских юных разведчиков.

Теперь собранные материалы предстоит изучать, переводить, публиковать. И это только первый шаг в масштабной работе по возвращению научного наследия деятелей российского разведчества-скаутизма в сферу отечественной научной мысли.

Все желающие прочитать полный иллюстрированный отчёт о поездке, собранных материалах и сделанных открытиях могут найти его в электронном архиве газеты «Скаутский мир»: <http://skaut-mir.hrest.info/2010/09/po-sledam-professora-agapova/#more-1283> — или обратится за ним по электронному адресу: orur-press@rambler.ru.

В. Ваганин

В «Посев» на тему летних лагерей

После статьи, напечатанной в Вашем журнале, захотел поделиться и своими скромными наблюдениями, тем более, что повезло, был участником смены на Селигере.

В этом году как минимум одно особо интересное событие у меня было. Хотел бы им поделиться: этим летом я попал в лагерь «Селигер-2010». Вместе с одноклассником делаем проект, который может быть востребован и куплен. Смысл проекта — модернизация системы управления пригородным сообщением. Под проект искали деньги, так и попали на Селигер. Об этом я не пожалел, было интересно побывать, посмотреть, как закладывают чип в головы людям.

Лагерь состоит из трёх смен, первая и третья очень ура-патриотичны и политизированны, а вторая практически целиком посвящена бизнесу. Среди гостей было много интересных людей: из Роснано, люди из РЖД, Михаил Прохоров, глава Российской Венчурной Компании, представители Минэкономразвития, «Деловой России» и многие другие. Общение с такими людьми, к счастью, было без идеологии, а, следовательно, очень полезным. Но были каждый день и политзанятия, на которых обсуждался «мировой заговор». Далёкие от реальностей истории про то, кто и как развалил СССР, и прочее. В восемь утра каждый день играет

гимн России, сразу после него — советские песни из серии «И вновь продолжается бой», «Голубой вагон бежит, качается». В девять — построение у большой сцены с плакатами Медведева слева и Путина справа. На нём должны обязательно все присутствовать. Там проводится зарядка и в прямом, и в переносном смысле. Тут и физические упражнения, и идеологические зарядки на день. Во время зарядки со сцены кричат: «Движемся в сторону Медведева! А теперь движемся в сторону Путина!»

Внешне лагерь похож на огромный лагерь беженцев. Несколько тысяч человек, палатки стоят вплотную одна к другой. Так как дрова сырые, валит густой дым. Толпы людей, вытаптывая дорожки, поднимают пыль, и все палатки, листья деревьев, все предметы покрыты ровным слоем пыли, также и люди. Из-за пыли многие кашляют, кто-то перебинтован. Как в лагере беженцев. Каждый день большая очередь людей с ведрами, канистрами и бочками к фильтрующей воду установке. По периметру всего лагеря — сетка, и дежурит охрана.

Вот такие мои скромные наблюдения и добавление к Вашей статье. Спасибо Вам за неё и, возможно, кого-то, из таких, как я, она заставит взглянуть на всё это «лагерное движение» и с другой стороны.

*Ярославль**Владимир Чичерюкин-Мейнгардт*

Вечер в Доме Русского Зарубежья

16 декабря 2010 г. в большом конференц-зале Дома Русского Зарубежья имени А.И. Солженицына прошёл вечер, посвящённый десятилетью книжной серии «Россия забытая и неизвестная».

Наибольшую известность получила подсерия «Белое движение», в которой вышла большая часть известных на сегодняшний день воспоминаний участников гражданской войны, практически всех Белых фронтов, от генералов, до рядовых добровольцев.

На вечер пришло около шестидесяти человек, преимущественно среднего и пожилого возраста. Для сравнения. 28 апреля 2009 г. вместе с директором издательского департамента Российского дворянского собрания — РДС В.А. Благово и вице-предводителем РДС С.А. Сапожниковым я представлял книгу генерал-лейтенанта Е.И. Балабина «Далёкое и близкое. Старое и новое», здесь же, в Доме Русского Зарубежья. О предстоящей презентации заранее были оповещены редакции обще-

казачьей газеты «Станицы», альманаха «Белая гвардия», казачьей энциклопедии, члены РДС. На презентацию пришло не более двадцати пяти человек.

В обоих случаях усатые господа в синих казацких мундирах, с густыми иконостасами медалей и крестов не наблюдались.

Вечер начался с того, что на сцену был приглашён директор Дома русского зарубежья Виктор Москвин, и вице-предводитель РДС О.В. Щербачёв зачитал и вручил ему адрес от Московского дворянского собрания, в связи с пятнадцатилетием открытия Дома Русского Зарубежья, которое отмечалось 7 декабря 2010 г.

После чего на сцену конференц-зала были приглашены известный отечественный историк С.В. Волков, осуществляющий научную редакцию серии «Россия забытая и неизвестная//Белое движение», автор книги «Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования» Е.А. Глущенко, историк казачества П.Н. Стрелянов-Калабухов, московский

историк С. С. Балмасов, специализирующийся на истории Белого движения на Востоке России, и автор этих строк.

Остановимся на двух выступлениях.

Е. А. Глущенко рассказал о своей книге, посвящённой непопулярной во времена СССР теме — завоевание Российской империей в конце XIX в. Закаспийской области и Центральной Азии, которые были к ней присоединены под названием Туркестанского генерал-губернаторства. После распада СССР картина изменилась на прямо противоположную. В РФ стали издаваться книги, посвящённые завоеванию Туркестана и его освоению, но сведения о сегодняшнем дне бывших советских республик Средней Азии — довольно редкие гости на страницах российских СМИ. А ведь до распада СССР в центральных советских газетах и журналах, практически в каждом номере, публиковались очерки и репортажи об успехах в строительстве социализма в «братских республиках Советской Средней Азии», наравне с другими республиками СССР.

Здесь, думается, дело в двойных стандартах нынешних правящих кругов РФ. Проявляя на словах заботу о зарубежных соотечественниках, правящие круги РФ старались не замечать притеснений и массовой эмиграции русских и русскоязычных из Средней Азии, имевшую место быть с начала 1990-х гг. Счёт здесь шёл на десятки, если даже не на сотни тысяч человек! Известный радатель интересов зарубежных соотечественников, бывший московский градоначальник Ю. М. Лужков ухитрился «не заметить» разрушение городскими властями Ташкента православного храма в честь Св. Блгв. Князя Александра Невского, построенного в конце XIX в. по проекту Бенуа.

Пресловутая комиссия по противодействию фальсификации истории в ущерб России не ведаёт о том, как лихо переписывается история отношений России и Средней Азии местными историками. Причём, как подчеркнул в своём выступлении г-н Е. А. Глущенко, во времена СССР с определёнными натяжками можно было говорить о какой-то своей школе историков применительно к Ташкенту. Она была вторичной по отношению к ведущим центрам советской исторической науки. Но применительно к другим среднеазиатским столицам даже такого центра, как в Ташкенте, не было. Теперь же в респу-

бликах Средней Азии пишутся учебники и монографии молодыми учёными, учившимися после распада СССР и не знающими русского языка. Главный вывод, который предлагают среднеазиатские историки, налицо: Россия — главный враг народов Центральной Азии. Русские колонизаторы завоевали и поработили народы Центральной Азии. Эстафету колониальной политики от Российской империи принял Советский Союз. Они, т. е. русские и русскоязычные, были ничуть не лучше, а может, даже хуже британских колонизаторов в Индии в XIX–XX вв. Завоевание Россией Туркестанского края явилось величайшим злом для местных жителей. Если бы не русские колонизаторы, то сегодня узбеки и киргизы имели бы такой же уровень жизни, как японцы или южные корейцы. Официозные историки РФ никоим образом этим историческим фальсификациям не противодействуют.

От себя могу добавить, что, по свидетельствам знакомых, среди коренных жителей бывших советских республик Средней Азии, находящихся в среднем возрасте, преобладает ностальгия по временам СССР и сожаление по поводу политики местных националистов, вынудивших большую часть русских и русскоязычных выехать за границу.

С. С. Балмасов рассказал о весьма интересном, но малоизвестном эпизоде из истории русской белой эмиграции на Дальнем Востоке. Он рассказал об участии русских белогвардейцев в гражданской войне в Китае на стороне китайских генералов-антикоммунистов. Об этом рассказывается в его книге «Белоэмигранты на военной службе в Китае», вышедшей в серии «Россия забытая и неизвестная//Белое движение».

Имевшие за плечами огромный военный опыт, зачастую не только гражданской войны в России, но и Великой войны 1914–1918 гг., русские белогвардейцы оказались серьёзной, пусть и не самостоятельной, военно-политической силой. С. С. Балмасов привёл слова своего китайского коллеги о том, что если бы не русские белогвардейцы, то в Китае коммунисты, опираясь на помощь Коминтерна из Москвы, смогли бы захватить власть ещё в 1920-х гг. Главный вывод, который можно было сделать из выступления С. С. Балмасова, так это о том, что данная страница истории русско-китайских отношений нуждается в дальнейшем изучении и популяризации.

Я. Шарубин

Письмо с вопросом после посещения Таллина

Необычный «Музей КГБ» откроется в январе 2011 года в центре Таллина. Он расположится на верхнем этаже одной из самых известных гостиниц СССР «Виру». Гостиница «Виру» входила в пятерку лучших советских гостиниц сети «Инту-

рист». В разное время здесь останавливались актриса Элизабет Тейлор, астронавт Нил Армстронг и последний шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви. Одно из преимуществ отеля «Виру» — это возможность полюбоваться панорамой столицы Эстонии

с 22-го этажа. Гостиница была построена в семидесятые годы, ещё во времена СССР, и считалась лучшей на тот период. Однако не все знали, что у отеля есть дополнительный, 23-й этаж. С него обозревалась не панорама эстонской столицы, а личная жизнь гостей. На самом последнем этаже была установлена аппаратура прослушивания номеров постояльцев — отсюда сотрудники госбезопасности следили за иностранными туристами, контролировали контакты гостей с гражданами СССР. Среди экспонатов — огромный радиоприёмник-транслятор, другая спецтехника. По словам господина Пеэпа Эхасалу, работающего в пресс-центре гостиницы, в «Виру» размещали иностранцев, которых считали опасными. В советское время гостиница была частым местом встреч советских людей с иностранца-

ми, и это держали под контролем. Разумеется «Виру» не исключение, и в гостиницах Интуриста, и в «России» и «Украине», да и вообще во всех гостиницах, в которых могли в советское время оставаться иностранцы, обязательно работала оперативная группа КГБ, так, что можно с уверенностью утверждать: отдых и связи «постояльцев» постоянно находились под неусыпным наблюдением Большого Брата. Музей в «Виру» уникален, хотя таких музеев можно было создать огромное количество. Интересно, в рамках объявленной программы десталинизации не откроют ли подобный музей напротив дома Правительства РФ, в гостинице «Украина», или данное помещение ещё нужно для других целей?

С.-Петербург

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Галина Степановна Флёрова

Сглубоким прискорбием сообщаем, что в Германии, в небольшом городке Эшборн, расположенного недалеко от Франкфурта-на-Майне, в понедельник утром 31 января 2011 года, после тяжелой и продолжительной болезни, за день до своего 87-летия, скончалась Галина Степановна Флёрова, урождённая Осташко.

Её детство и молодые годы прошли в СССР, в Крыму. Она родилась 1 февраля 1924 года в г. Симферополь, в семье железнодорожника Степана Фёдоровича Осташко. В 1931 году Галина пошла в среднюю школу № 98 в Симферополе, которую окончила с отличием 16 июня 1941 года. Она была принята без экзаменов в медицинский институт, но начавшаяся война между Германией и СССР коренным образом перевернула её дальнейшую жизнь. Уже в октябре 1941 года родной город был оккупирован немецкими частями. Учёба в институте была прервана, а в июне 1942 года молодая Галина, вместе с другими молодыми юношами и девушками, в составе второго эшелона была вывезена немцами на принудительные работы в Германию. Тяжёлым было прощание с матерью, отцом и другими близкими. Больше она своих родителей не увидела ...

Транспорт с советскими так называемыми «остарбайтерами» из Крыма прошёл долгий путь через Польшу, Чехословакию и Австрию. По распределению Галина Степановна попала в семью зажиточной крестьянки Марии Козельской, в небольшом местечке Лимберг около города Санкт Вайтна-Глане. Эта австрийская семья занималась сельским хозяйством, держала небольшую торговую лавку и трактир. Галина была очень радушно принята новыми хозяевами, которые относились к ней как к своей дочери. Здесь она проработала с

1942 до осени 1947 года. С ними и потом долгие годы поддерживались тёплые отношения. В мае 1945 года закончилась война в Европе, и репатриционные службы начали свою работу по возвращению граждан СССР обратно. В это время Галина приняла непростое для себя решение не возвращаться, т.к. на ее глазах происходили унижительные процедуры допросов, проверок, сопровождавшихся грубыми обвинениями и оскорблениями людей, которые находились вместе с ней на работах в немецком Рейхе. Фильтрационные лагеря, куда были собраны советские репатрианты, были созданы

НКВД и СМЕРШ. Были известны много случаев, когда бывших «остарбайтеров» из СССР отправляли напрямую в советские лагеря.

Осенью 1947 года Галина Степановна переезжает в австрийский город Грац, где поступает на отделение славистики философского факультета местного университета. Отучившись два семестра и сдав успешно экзамен по латинскому языку, она переводится на медицинский факультет. Быть врачом Галя хотела всегда. В это же время на медицинском факультете учился и её будущий супруг – Владимир Леонидович Флёров, который также был родом из Украины, как и она. Молодые люди стали встречаться, и в скором времени Галина познакомилась поближе с членами антикоммунистической эмигрантской организации НТС, членом которой уже был Владимир Флёров.

Первые контакты с НТС произошли летом 1947 года, когда Галина приезжала в Грац познакомиться с русской колонией и выяснить возможности дальнейшей учёбы в университете. В это время она знакомится со старыми союзниками (членами Народно-Трудового Союза), ещё довоенного периода: Парфением Заворотновым, Борисом Андреевским, Евгением Каликиным (Даланьяном) и другими. После кандидатского стажа и выполнения ряда поручений по союзной работе, Галину в 1948 году принимают в Союз. Порой приходилось делать очень опасные поездки в Вену, связанные с большим риском, где членами НТС распространялась союзная литература среди советских военнослужащих и граждан из СССР.

22 сентября 1950 года Галина Степановна и Владимир Леонидович обвенчались в православном храме, расположенном на территории лагеря «Келленберг». Священником при этом был отец Борис Критский. С тех пор супруги Флёровы прожили счастливой семейной жизнью долгих 60 лет...

В 1951 году молодая семья должна была срочно выехать из Австрии в Германию, т.к. была опасность ареста за свою деятельность по линии НТС со стороны советских спецслужб, которые находились в Австрии до 1955 года, до полного вывода военного контингента. Галина с мужем поселились в местечке Эшхофен, под Лимбургом, где в то время располагались штаб-квартира НТС и издательство «Посев». В 1951 году в семье Флёровых родился первый ребенок – дочь Юлия. Муж Владимир продолжил свою учёбу на медицинском факультете во Франкфурте, а Галине пришлось расстаться, после 4-х семестров учёбы, со своей мечтой получить диплом врача, из-за трудного материального положения молодой семьи. Приходилось неоднократно переезжать с одного места на другое. Как только немного подросла дочь, Галина Степановна опять активно включилась в союзную работу. С 1953 года она работала в Секторе кадров сначала под руководством члена НТС В.И. Брандта (1907–1956), а после его кончины вместе с В.Т. Гуменюком (1922–2000). Пришлось ей поработать и в «оператике» Закрытого Сектора, помогая в составлении отчётов

одному из руководителей ЗС С.Е. Крушелю (1905–1990). Активную работу она вела в составе Франкфуртского отделения Германского Отдела НТС, который был в те годы самым многочисленным. На протяжении более тридцати лет его возглавлял М.В. Балмашев (1903–1989). Союзники во Франкфурте всегда доверяли и ценили деятельность и жертвенную работу Галины Степановны. Многие вспоминают, что ей приходилось порой брать с собой на работу и маленьких детей. К этому времени в семье Флёровых родился второй ребенок – Людмила (1961 г.р.)

На протяжении всего времени Галина была членом Правления, входила в состав социального сектора, избиралась на должность члена Суда Совести и Чести, а после смерти председателя ССиЧ Н.С. Козореза (1898–1972) была переизбрана на эту должность. В 1972 году она вступила в ряды вновь созданной организации МОПЧ (Международное Общество Прав Человека). Все её стремления были направлены на то, чтобы как можно быстрее на её далекой родине пал ненавистный коммунистический режим. Ещё до распада СССР ей удалось встретиться, через много лет разлуки, со своей старшей сестрой, были эти встречи и потом, когда была возможность снова приехать в свою родную Украину. В разговорах с друзьями Галина Степановна не раз говорила, как было бы здорово снова вернуться и пожить ещё там.

Она была очень радушной и гостеприимной хозяйкой, любила принимать много гостей и своих друзей и потчевать их своей кухней. Многим союзникам ещё памятливы те встречи в доме у Флёровых, когда у союзников гостили известные русские писатели, деятели эмиграции такие как: А.И. Солженицын, В.А. Солоухин, А.А. Галич, Г.Н. Владимов, В.П. Некрасов, В.Е. Максимов, В.Я. Тарсис, А.П. Столыпин и многие другие.

Галина Степановна очень любила своих внуков и внучек (их у неё пятеро), много путешествовала с семьёй, посещая друзей по Союзу и в Австралии, и в Америке, а также во многих европейских странах.

Отпевание проходило в понедельник, 7 февраля 2011 года во Франкфурте-на-Майне, в русской православной церкви, в храме св.Николая мирликийского чудотворца, в присутствии протоиерея Дмитрия Игнатьева. Несмотря на рабочий день, храм был полон, пришло много людей проститься с Галиной Степановной Флёровой. После этого состоялось погребение на местном кладбище г. Эшборн под Франкфуртом. На поминальном обеде было сказано много тёплых слов.

Члены франкфуртской группы и Зарубежного Отдела НТС выражают самые глубокие соболезнования супругу Владимиру Леонидовичу, дочерям Юлии и Людмиле, их детям, родным и близким усопшей.

Вечная память рабе Божьей Галине.

Члены Зарубежного Отдела НТС

Члены НТС в России

Коллектив редакции «Посева»

Анна Фоминична Поповская

Сглубоким прискорбием сообщаем, что в городе Брюсселе (Бельгия), в четверг 3 февраля 2011 года, после долгой и продолжительной болезни, скончалась Анна Фоминична Поповская, урождённая Квятковская.

Анна Фоминична Квятковская родилась 5 мая 1929 года в Минске. Её отец был инженером. В 1937 году за получение писем из-за границы он был арестован НКВД. Анне было всего восемь лет. Последними словами отца жене были: «Делай всё, чтобы дети учились, этого не отберут никогда!» Но для дочери «врага народа» учиться было нелегко.

Началась война, в Минск пришли немцы. Всю семью, мать, двух сестёр и троих братьев, угнали в лагерь под Регенсбургом. После войны, чтобы избежать насильственной репатриации, Анна изменила место рождения, переправила Минск на Пинск, который был до войны польской территорией. Рождённые до войны вне границ СССР, выдаче не подлежали. В то время многие бывшие военнопленные и «остовцы» подделывали свои документы, чтобы избежать выдачи. Анна помнила, как это злило членов репатриационной комиссии, но входивший в её состав один польский офицер, спас Анну.

Некоторое время вся семья жила в Бельгии. Анна Фоминична днём училась в университете города Лувен на биохимику, а ночью работала медсестрой. После войны, для того, чтобы получить право на жительство в Бельгии многим русским приходилось работать в угольных шахтах. Во время взрыва на шахте в бельгийском городе Тразеньи (Trazegnies) 11 мая 1950 года, погиб старший брат Пётр. После этого семья, за исключением Анны, которая вышла замуж, уехала в Канаду.

В 1955 году Анна вступила в Народно-Трудовой Союз (НТС). Вместе со своим мужем Виктором Георгиевичем Поповским, который также был членом этой организации и являлся долгие годы членом Руководящего Круга НТС, она активно занималась переправкой антисоветской литературы в СССР через советских моряков, временно пребывавших в бельгийских портах. Долгие годы супруги Поповские работали по линии Закрытого Сектора НТС. Попала Анна и в советскую прессу, где, по глупости, её назвали «нацистским преступником». Советские журналисты не удосужились поинтересоваться, сколько лет было Анне во время немецкой оккупации.

В 1960 году Бельгия подписала выгодный контракт с Советским Союзом. По просьбе делового партнёра бельгийские власти запретили супругам Поповским жить в портовых регионах страны: Антверпен, Гент и Брюгге. Им пришлось переехать в Голландию. Вернуться в Бельгию им удалось лишь потом, при помощи друзей. Как и многие члены НТС, Анна Фоминична совмещала работу по про-

фессии с трудом на благо России. В научно-исследовательских лабораториях она удостоилась чести работать с нобелевскими лауреатами – профессорами Кристианом Рене де Дюв (фр. Christian Ren de Duve) и Альбертом Клод (фр. Albert Claude).

У неё в гостях побывали многие диссиденты и писатели: В.Я. Тарсис, В.К. Буковский, М.Л. Ростропович, А.А. Галич, В.А. Солоухин, В.Е. Максимов, В.П. Некрасов и др. Работа НТС велась через встречи с туристами из СССР. Позже Анна Фоминична приняла активное участие в работе организации Православное дело по благословению епископа Женевского и западноевропейского Антония (Бартошевича). Участники организации Православное дело, засылали в СССР листовки, православную литературу. Бывало, что литературу брали с собой иностранцы, ехавшие в Советский Союз как туристы. Главный капитан Брюссельского порта тайком доставлял православную литературу на советские суда.

Анна Фоминична приняла активное участие в строительстве домашнего храма русской зарубежной Церкви – храма Воскресения Христова на улице рю Драпье в Брюсселе. Её подруга Алла Сергеевна Головина (урождённая Штегер) дружила в своё время с Мариной Цветаевой. После смерти Аллы Сергеевны её муж – бельгиец решил сжечь её переписку с Цветаевой. Анне Фоминичне удалось спасти часть переписки, которая была передана ею в «Музей Цветаевой» в г. Болшево.

В последние годы Анна Фоминична долго болела. Но все её последние переживания были о России. Как возрождается страна? Возвращаются ли люди к Богу? Она любила Россию больше, чем многие люди, которые сегодня там живут. Один из лозунгов НТС ещё в тридцатых годах был: «Да возвеличится Россия, да гибнут наши имена!»

Вечная память рабе Божьей Анне.

Члены Зарубежного Отдела НТС

Члены НТС в России

Коллектив редакции «Посева»